

84(3)
780

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ И ПЕРЦОВЫЙ ПИСТОЛЕТ

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

ХОТЦЕНПЛОТЦ

РАЗБОЙНИК
ХОТЦЕНПЛОТЦ
И
ПЕРЦОВЫЙ ПИСТОЛЕТ

Отфрид Пройслер

Санкт-Петербург
АМФОРА
2003

УДК 82-93
ББК 84.4(75)
П 78

Otfried Preußler
Der Räuber Hotzenplotz

Рисунки Ф. Триппа

Перевод с немецкого Е. В. Воропаева

Дизайн Вадима Назарова
Оформление Алексея Горбачёва

*Издательство выражает благодарность
K. Thienemanns Verlag (Германия)
за предоставление прав на издание книги*

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и партнеры»*

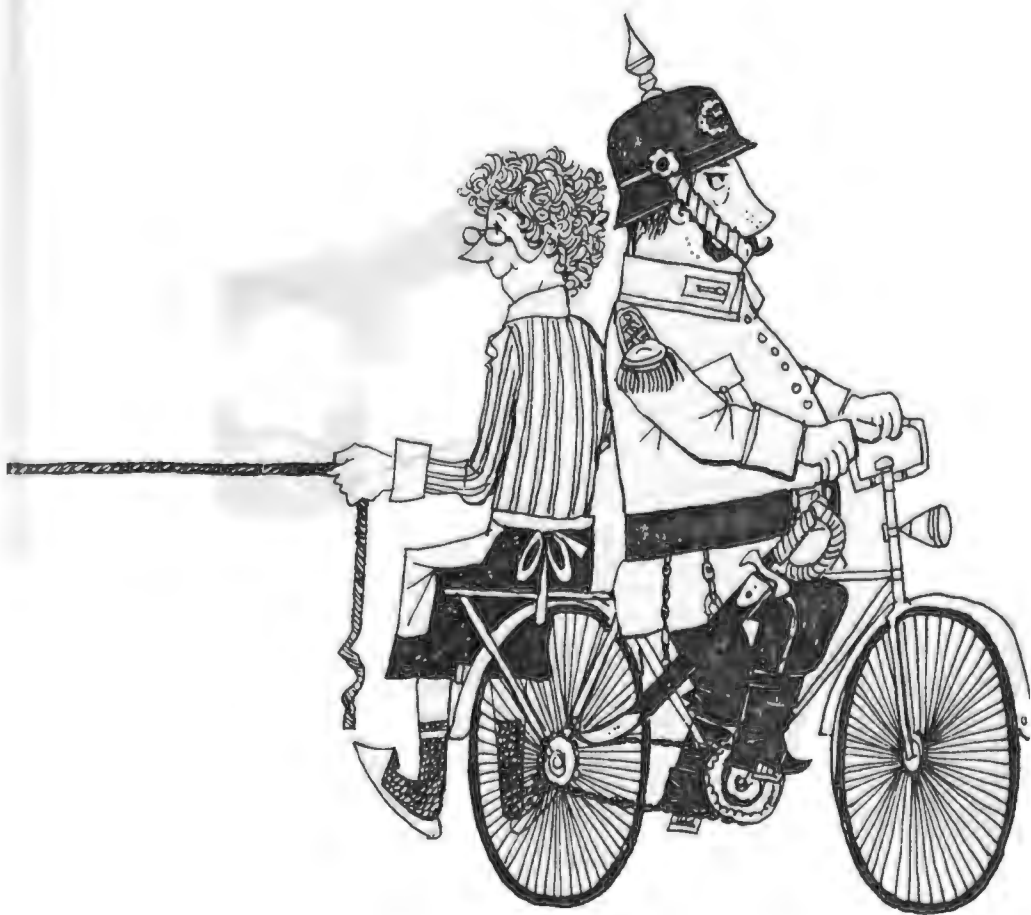
Пройслер О.

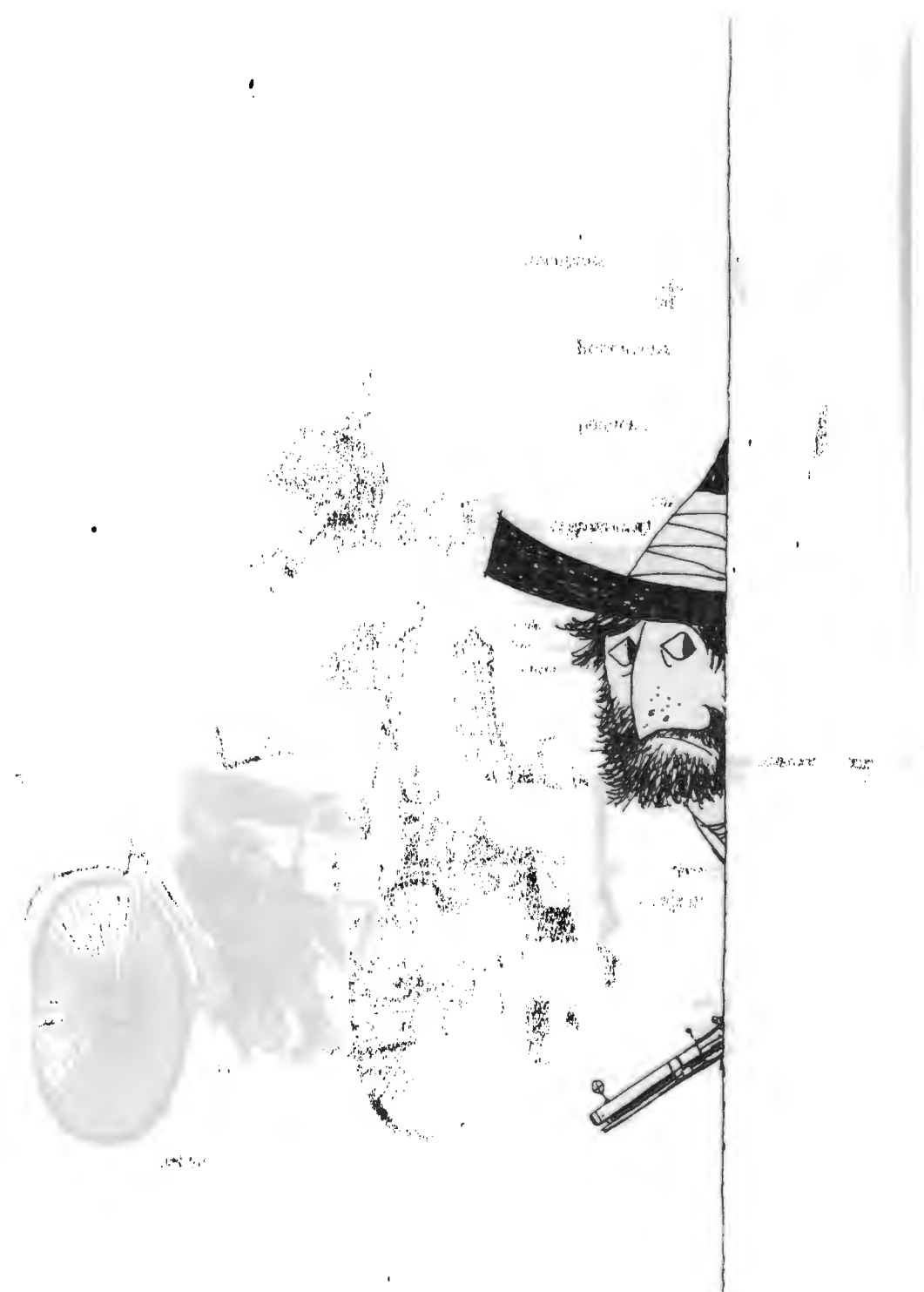
П 78 Разбойник Хотценплотц и перцовый пистолет: Сказочная повесть / Пер. с нем. Е. Воропаева. — СПб.: Амфора, 2003. — 147 с.
ISBN 5-94278-334-9

Отфрид Пройслер принадлежит к числу самых популярных детских писателей. Его слава далеко перешагнула границы Германии. Нашим читателям он известен по книгам «Маленькая Баба Яга», «Маленький Водяной» и «Маленькое Привидение». Но самым большим успехом пользуются его истории о Хотценплотце. У вас в руках первая из трех книг, рассказывающих о приключениях разбойника. На русском языке эта трилогия публикуется впервые.

© Preußler / Tripp, Der Räuber Hotzenplotz
1962 by K. Thienemanns Verlag, Stuttgart–Wien
© «Амфора», перевод, оформление, 2002

ISBN 5-94278-334-9

Эту книгу я посвящаю
трем своим дочерям
РЕНАТЕ
РЕГИНЕ
СУЗАННЕ
и всем детям,
которых порадует история
про Касперля

Однажды бабушка Касперля сидела на скамейке перед своим домиком на солнышке и молола кофе. Касперль и его друг Сеппель подарили ей ко дню рождения кофейную мельницу, которую они сами подыскали. Когда вращаешь ее рукоятку, она играет «Все вокруг нынче май обновил...», это была любимая песенка бабушки.

С тех пор как у бабушки появилась новая кофейная мельница, молоть кофе стало для нее таким удовольствием, что она начала пить его вдвое больше, чем прежде. И сегодня тоже она уже во второй раз наполнила мельницу, и едва только собралась продолжить свое занятие — как что-то внезапно зашумело и затрещало в садовых кустах, а грубый голос прокричал:

— Давайте-ка эту штуку сюда!

Бабушка удивленно подняла глаза и поправила свое пенсне.

Перед ней стоял незнакомый человек со взъерошенной черной бородой и ужасным крючковатым носом. На голове у него красовалась мягкая шляпа с загнутыми полями, увенчанная дугообразным пером, а в правой руке он держал пистолет. Левой же он указывал на бабушкину кофейную мельницу.

— Давайте сюда, я сказал!

Однако бабушка вовсе не испугалась.

— Позвольте! — воскликнула она с негодованием. — Как вы сюда попали и что это вам взбрело в голову так на меня кричать? Да кто вы, собственно говоря, такой?

Тут незнакомец расхохотался так, что перо на его шляпе заходило ходуном.

— Вы что, бабуля, газет не читаете? Подумайте-ка хорошенько!

Только теперь бабушка увидела, что за широким кожаным поясом этого человека торчат сабля и семь ножей. Тогда она побледнела и спросила испуганным голосом:

— Вы, случаем, не разбойник Хотценплотц будете?

— Он самый! — сказал человек с семью ножами. — Не устраивайте сцен, я этого не люб-

лю. Быстренько подавай-
те-ка мне кофейную мельницу!

— Но она же вовсе не ваша!

— Ерунда! — воскликнул разбойник Хотценплотц. — Немедленно делайте, что вам сказано! Считаю до трех...

И он вынул пистолет.

— Прошу вас, не надо! — взмолилась бабушка. — Вы не можете отнять у меня кофейную мельницу! Мне подарили ее ко дню рождения. Когда крутишь ее ручку, она играет мою любимую песенку.

— Именно поэтому! — прорычал разбойник Хотценплотц. — Я тоже хочу такую кофейную

мельницу, которая играет песенку, когда ее крутишь. Давайте же ее сюда!

Тогда бабушка глубоко вздохнула и отдала мельницу. А что ей оставалось делать?

В газетах каждый день писали, какой злодей был этот разбойник Хотценплотц. Все люди ужасно его боялись, даже вахмистр Димпфельмозер, а уж он-то как-никак был полицейским.

— Ну вот видите, почему сразу не согласиться? — Довольно бурча себе под нос, Хотценплотц спрятал бабушкину кофейную мельницу в свой грабительский мешок. Затем он прищурил левый глаз, зорко посмотрел на бабушку правым и произнес: — Так! А сейчас послушайте меня внимательно! Теперь вы продолжаете сидеть на скамейке и не двигаетесь с места. При этом вы не спеша считаете до девятисот девяноста девяти.

— Зачем? — спросила бабушка.

— Затем! — отрезал Хотценплотц. — Когда вы досчитаете до девятисот девяноста девяти, вы можете звать на помощь. Но ни на мгновение раньше, это говорю вам я! В противном случае вам придется кое-что пережить! Понятно?

— Понятно, — шепотом проговорила бабушка.

— Только не пытайтесь меня надуть!

Разбойник Хотценплотц на прощание сунул в последний раз свой пистолет бабушке под нос. Потом перемахнул через садовый забор и исчез.

Бабушка Касперля, бледная как мел, сидела на скамейке перед своим домиком и дрожала. Разбойник удалился, и кофейная мельница удалилась тоже.

Прошло еще какое-то время, прежде чем бабушка наконец смогла начать считать.

Она послушно считала до девяносто девяноста девяти.

Один, два, три, четыре... Не слишком быстро, не слишком медленно.

Но от волнения она так часто ошибалась при счете, что по меньшей мере дюжину раз ей пришлось начинать все с начала.

Когда она в конце концов все же добралась до девяносто девяноста девяти, то испустила пронзительный крик о помощи.

И затем упала в обморок

Касперль и его друг Сеппель побывали у булочника и сделали покупки: пакетик муки, немного дрожжей и два фунта сахара. Теперь они намеревались зайти еще в молочную лавку, чтобы принести сладких сливок. Завтра воскресенье, а по воскресеньям у бабушки бывал сливовый пирог со сбитыми сливками. Чему Касперль и Сеппель всю неделю уже заранее радовались.

— Знаешь что? — сказал Касперль. — Я хотел бы быть императором Константинополя!

— Почему?

— Потому что тогда я каждый день мог бы кушать сливовый пирог со сбитыми сливками!

— Император Константинополя каждый день ест сливовый пирог со сбитыми сливками?

Касперль пожал плечами.

— Этого я не знаю. Но я — коли я был бы императором Константинополя, — уж я бы делал это всенепременно!

— Я тоже! — вздохнул Сеппель.

— Ты тоже? — спросил Касперль. — Боюсь, что так дело не пойдет!

— Это почему же не пойдет?

— Да потому что император Константинополя только один, а не два! И если я уже император Константинополя, то ты не можешь тоже быть императором Константинополя. Тебе это следует все-таки признать!

— Гм... — хмыкнул Сеппель, — тогда мы могли бы меняться. Одну неделю ты — и одну неделю я!

— Неплохо! — огласил свое мнение Касперль. — Неплохо! — Однако тут они внезапно услышали, как вдалеке кто-то позвал на помощь.

— Слышь! — испуганно спросил Сеппель. — Не бабушка ли это?

— Конечно, это бабушка! — ответил Касперль. — Что там могло случиться?

— Не знаю! Может быть, несчастье?..

— Быстро нас хватились!

Касперль и Сеппель сделали разворот на месте и сломя голову помчались домой. У калитки

бабушкиного сада они с разбегу чуть было не налетели на вахмистра Димпфельмозера. Он тоже спешил сюда, потому что услышал, как кто-то позвал на помощь.

— Не могли бы вы быть повнимательнее? — забранился он. — Вы препятствуете мне в исполнении моей службы, а это карается законом!

Широко шагая, он последовал вслед за Касперлем и Сеппелем. В саду перед скамейкой на поросшей травой лужайке они обнаружили бабушку. Она лежала там прямая как палка.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Сеппель и двумя ладошками закрыл глаза.

— Нет, — ответил Касперль, — я думаю, она просто упала в обморок.

Они осторожно перенесли бабушку в дом и уложили на диван.

Касперль побрызгал ей в лицо и на руки холодной водой, после чего она очнулась.

— Вы даже представить себе не можете, что случилось! — сказала бабушка.

— Что? — спросили Касперль и Сеппель.

— Меня ограбили!

— Да что вы говорите! — воскликнул вахмистр Димпфельмозер, услышав такое. — Вас ограбили? И кто же?

— Разбойник Хотценплотц!

— Минуточку, я должен занести это в протокол!

Вахмистр с готовностью выхватил свой карандаш и раскрыл блокнот.

— Рассказывайте все по порядку, бабушка! Однако строго придерживайтесь фактов и говорите отчетливо и не слишком быстро, чтобы я мог записывать. А вы оба, — он повернулся к Касперлю и Сеппелю, — вы ведите себя тихо как мышки, пока мы не покончим с протоколом, потому что это действие, совершаемое в порядке выполнения служебных обязанностей! Вам ясно?

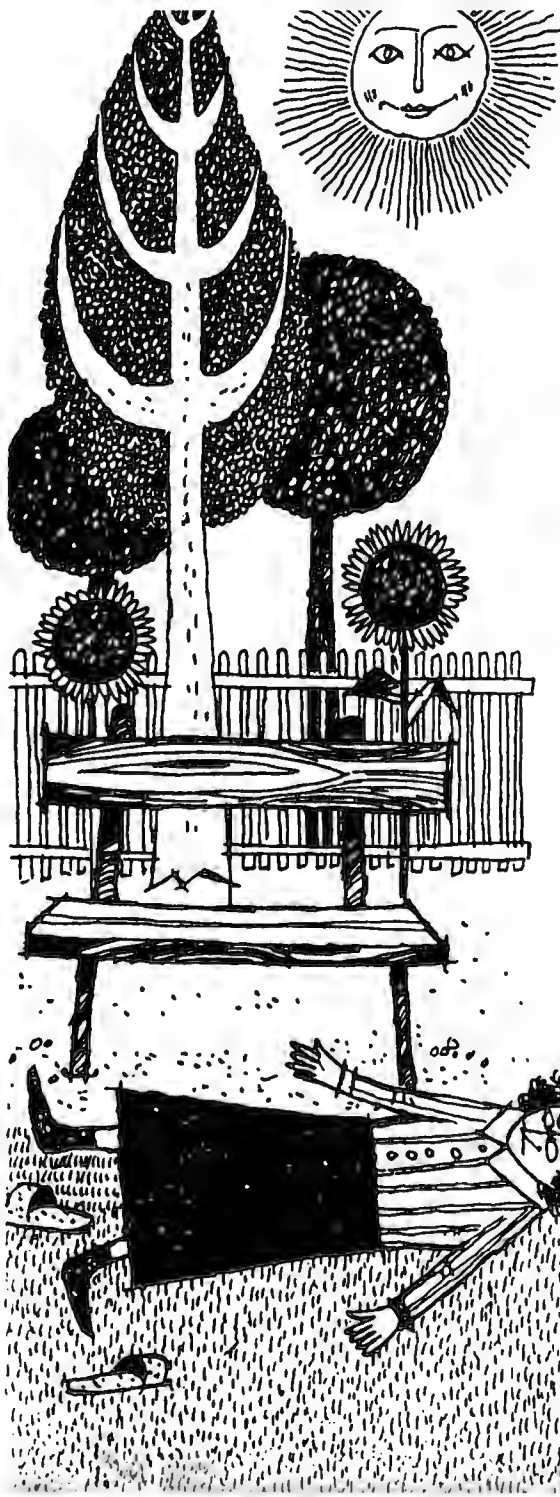
Тут бабушка поведала все, что было рассказано выше, а вахмистр Димпфельмозер с важным выражением лица записал это в свой блокнот.

— Теперь я получу обратно свою прекрасную кофейную мельницу? — спросила бабушка, когда со всеми записями было наконец покончено и он **рахлопнул** свой блокнот.

— Само собой разумеется, — сказал вахмистр.

— И как скоро это может случиться?

— Н-да... это сказать трудно. Сперва нам надо **воймать** разбойника Хотценплотца. На сегодня мы, к сожалению, даже не знаем, где находится его убежище. Этот малый ведь такой ловкач! Уже

два с половиной года он водит полицию за нос. Но наступит день, когда его преступлениям будет положен конец. При этом мы не в последнюю очередь надеемся на активное содействие населения.

— На активное... что? — спросил Касперль.

Вахмистр Димпфельмозер с упреком посмотрел на него.

— Мне кажется, что ты плохо слышишь, Касперль! Я сказал: мы надеемся на активное содействие населения!

— Что это значит?

— Это значит, что люди должны помочь нам выследить этого парня!

— Ага! — подумал вслух Касперль. — А стала бы полиция тоже помогать, если бы кто-нибудь его обнаружил?

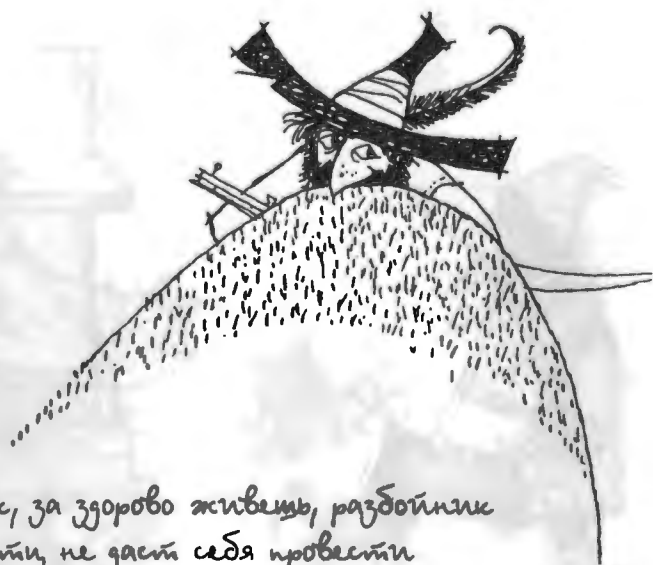
— Это, естественно, было бы лучше всего, — заверил вахмистр Димпфельмозер и подкрутил

ус. — Однако как ты думаешь, кто отважится на такое опасное дело?

— Мы оба! — вскричал Касперль. — Сеппель и я! Ты идешь со мной, Сеппель?

— Ясное дело! — сказал Сеппель. — Полиции нужно помочь: мы найдем разбойника Хотценплотца!

Однако так, за здорово живешь, разбойник Хотценплотц не даст себя провезти

Бабушку охватило некоторое беспокойство, однако Касперль и Сеппель не отступили от своего решения. Они были намерены изловить Хотценплотца и тем самым способствовать возвращению бабушке кофейной мельницы. Жаль только, что они не знали, где Хотценплотц устроил свое укрытие.

— Мы это еще разузнаем! — не сомневался Касперль, и после того, как они просидели в напряженном раздумье до самого воскресного полудня, он вдруг расхохотался.

— Чего это ты смеешься? — спросил Сеппель.

— Оттого, что я теперь знаю, что мы должны делать!

— И что же?

— Скоро ты это поймешь.

Касперль и Сеппель вытащили из бабушкиного подвала старый пустой ящик из-под картошки и отнесли его в сад. Затем они лопатами наполнили ящик доверху мелким белым песком.

— А теперь?

— Теперь надо накрыть его крышкой!

Они водрузили крышку на картофельный ящик, и Касперль принес дюжину гвоздей и молоток.

— Вот! Заколачивай, Сеппель! Только постарайся на совесть!

Сеппель принялся за работу. Первым же ударом он угодил себе по большому пальцу. Черт побери, как же больно! Но он стиснул зубы и мужественно продолжал вколачивать гвозди так, словно сдавал государственный экзамен на звание прибивателя крышек к картофельным ящикам.

Тем временем Касперль раздобыл на чердаке толстую малярную кисть и размешал в горшке красную краску. Когда он вернулся с краской и кистью назад, Сеппель как раз уже ударил по пальцу в пятьдесят седьмой раз: крышка была приколочена намертво.

— Так, а теперь пусти-ка меня! — велел Касперль.

Он глубоко обмакнул кисть в красную краску, затем, к безграничному удивлению Сеппеля, вы-

вел на картофельном ящике крупными бросающимися в глаза буквами:

Осторожно Золото!!

Что бы это, опять же, все значило? Сеппель ломал себе голову, однако догадаться никак не мог.

— Знаешь что? — решил Касперль. — Вместо того чтобы таращить тут глаза и сосать большой палец, ты притащил бы лучше из сарая тележку!

Сеппель побежал в сарай и прикатил ручную тележку, затем он помог Касперлю погрузить на нее ящик. Дело это было не из легких, они дружно сопели словно два бегемота.

— Уфф! — простонал Сеппель. — И это в воскресенье!

Мало того что бабушкин сливовый пирог со сбитыми сливками сегодня не состоялся (потому что бабушка с горя по своей кофейной мельнице ничего не испекла), им пришлось еще и надрываться!

Однако они в конце концов все же справились.

— А что теперь? — спросил Сеппель.

— Теперь начинается главное!

Касперль извлек из кармана штанов буравчик и пробуравил в дне ящика маленькую дыроч-

ку. Когда он вынул буравчик, наружу заструился песок.

— Так, — сказал Касперль с удовлетворением, — это мы вроде бы устроили!

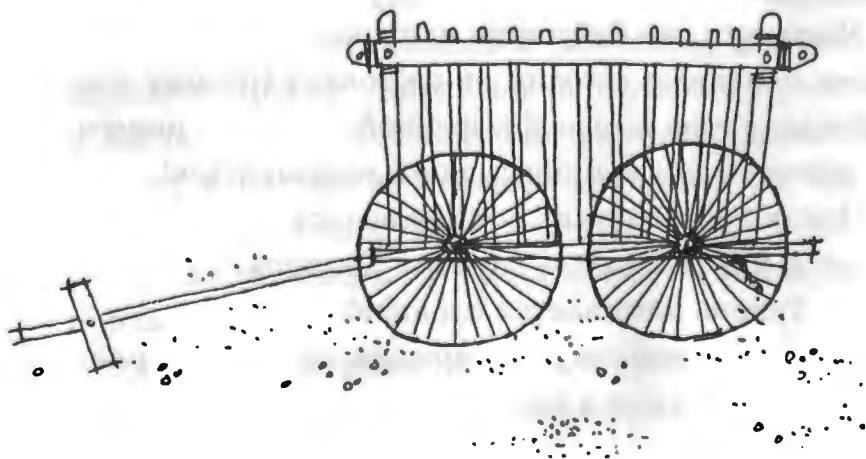
Своим карманным ножом он заострил спичку и заткнул ею только что проделанную дыру.

Сеппель с недоумением наблюдал за ним.

— Извини, — сказал он, — но теперь я ничего не понимаю!

— Не понимаешь? — спросил Касперль и засмеялся. — Это же все так просто! Мы вдвоем завтра утром отвезем ящик на тележке в лес. Там сидит в засаде Хотценплотц. Когда он увидит, как мы идем, то прочтает надпись на нашем ящике и решит, что внутри золото.

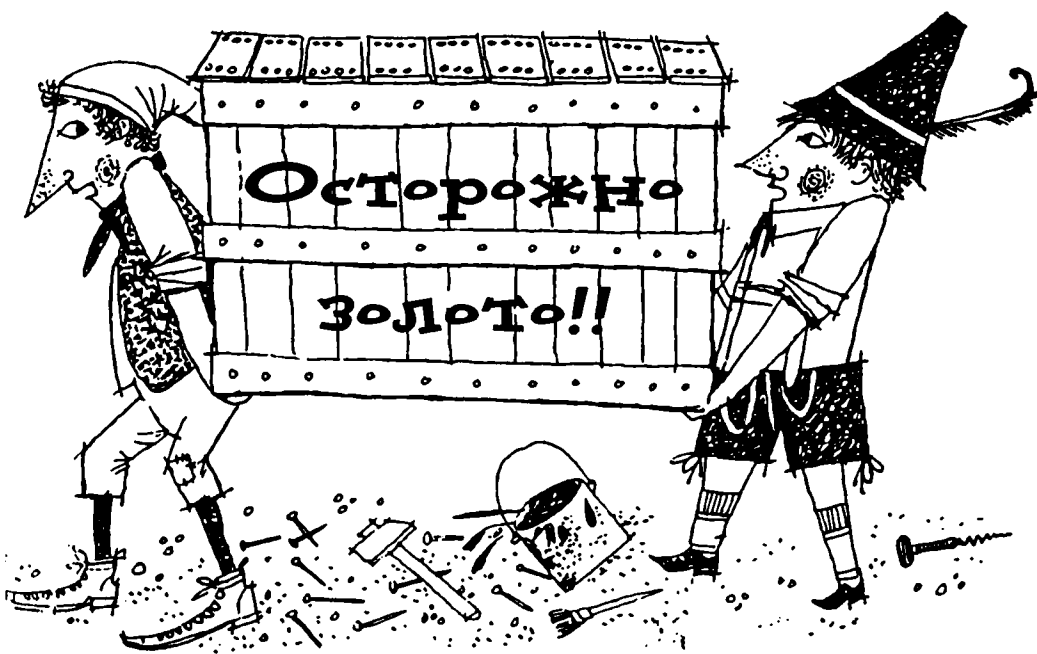
— Ага, — согласился Сеппель. — А потом?

— Потом он, естественно, захочет овладеть этим ящиком. Он нападет на нас, и нам придется спасаться бегством. А Хотценплотц потащит ящик. Куда он его потащит?

— Откуда мне знать, Касперль? Я ведь не разбойник Хотценплотц!

— Однако об этом легко догадаться, Сеппель! Он потащит ящик домой, в свое логово. Но по дороге из дыры в ящике будет сыпаться песок. На земле получится малозаметный песчаный след. И когда мы захотим узнать, где укрытие Хотценплотца, нам останется только пойти по этому

следу, и он приведет нас куда надо. Как тебе это нравится?

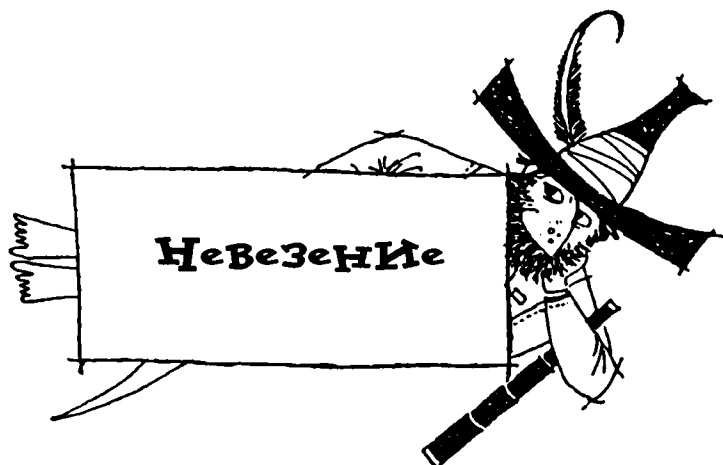
— Это грандиозно, — сказал Сеппель, — то, что мы придумали! Но не забудь вытащить спичку, прежде чем мы пустимся наутек!

— Не беспокойся! — воскликнул Касперль. — Ты можешь на меня положиться, я об этом подумал!

И он завязал большой узел на носовом платке.

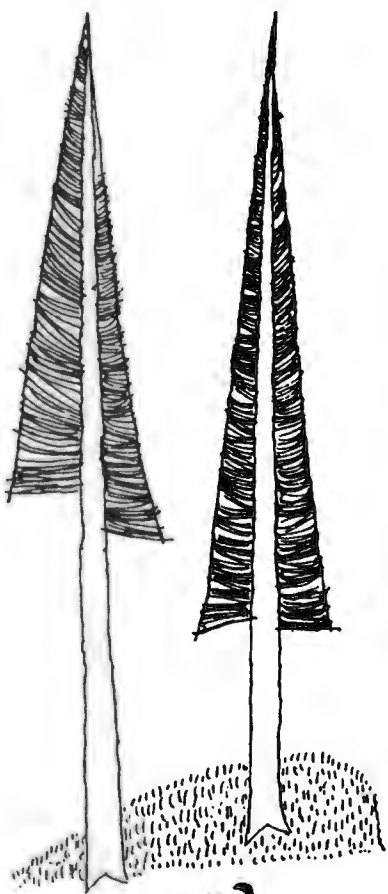

Потому что узлы
на носовых платках
часто действительно бывают
очень полезными

Хотценплотц был очень прилежным разбойником. Летом в будни он вставал всегда ровно в шесть часов утра, а не позднее половины восьмого покидал свою разбойничью пещеру и отправлялся на работу. Сегодня он тоже с восьми часов утра лежал в засаде позади кустов дрока на краю леса и вел наблюдение через подзорную трубу за проселочной дорогой. Часы уже показывали полдесятого, а у него все еще не было никакой добычи.

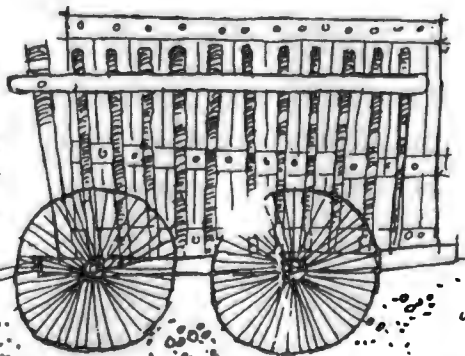
«Плохие времена! — брюзжал разбойник Хотценплотц. — Если так будет продолжаться и дальше, мне придется подыскать себе другую профессию. Разбой уже давно приносит слишком малый доход, а между тем требует напряжения!»

Только он было собрался — что в рабочее время делал лишь в самых крайних случаях — позволить себе понюшку нюхательного табака, как вдруг услышал скрип тележки на проселочной дороге.

«Вот это да! — подумал Хотценплотц. — Не напрасно же я, однако, сижу в засаде!» И вместо увесистой табакерки он снова схватил свою подозрную трубу.

Он увидел, как на проселочной дороге два человека с ручной тележкой огибают лес. На тележке лежал большой ящик. Ящик казался очень тяжелым. Парочка тянула тележку изо всех сил.

Один из них, впрочем, был этот Касперль — его даже издалека узнаешь по шапочке с кисточкой.

А другой?

Ну, если один из двух был Касперлем, то другим мог быть только его приятель Сеппель: это знал даже разбойник Хотценплотц.

«Лучше бы, правда, я знал, что находится в ящике!» — подумал он.

Но постой-ка, нет ли на ящике какой-то надписи? Что там выведено на нем красными яркими буквами?..

«*Осторожно золото!!*» — прочитал разбойник Хотценплотц; и ему потребовалось перечитать это же во второй и в третий раз, прежде чем он удостоверился, что зрение его не обманывает.

Нет, зрение не обманывало его! Наконец-то ему снова улыбнулось разбойничье счастье! Может быть, ему не придется все-таки отказываться от своего ремесла?

Хотценплотц стремительно выхватил из-за пояса пистолет и взвел курок. Он позволил Касперлю и Сеппелю приблизиться с тележкой на расстояние нескольких шагов. Затем одним гигантским прыжком он выскочил из укрытия на дорогу.

— Руки вверх! — зарычал Хотценплотц. — Или я стреляю!

Его нисколько не удивило, что Касперль и Сеппель тотчас же бросились наутек.

— Ишь как припустили, герои! — крикнул он им вдогонку.

«Самое главное, чтоб у меня ящик не убежал! Ох-хо-хо-хо-хо!»

Он раскатисто расхохотался, снова сунул пистолет за пояс и принялся основательно обнюхивать ящик со всех сторон.

«Гм... он заколочен гвоздями... Естественно! Там же внутри золото! Или мне все-таки открыть его да заглянуть внутрь? Лучше не надо... Мне следует подумать о том, чтоб поскорее отсюда убраться! Наверняка Касперль и Сеппель помчались в полицию. Ничего подобного, я ничуть не испугался какой-то там полиции! Нет, заведомо нет, ведь я разбойник Хотценплотц! Однако осторожность есть осторожность...»

Недолго думая Хотценплотц взвалил тяжелый ящик на спину. Тележку он на лесной дороге использовать не мог. Он пинком толкнул ее в придорожную канаву. Отфыркиваясь и тяжело дыша, Хотценплотц поволок свою добычу через дикие заросли к себе в пещеру.

Он так торопился вернуться домой, что совершенно не обратил внимания на то, что ящик у него на спине с каждым шагом становился все легче и легче. Потому что Касперль успел все же в последний момент подумать о том, чтобы вытащить спичку, и вот теперь мелкий белый песок непрерывно струился из дырочки в дне ящика и оставлял позади разбойника Хотценплотца тонкий след.

Добравшись домой, Хотценплотц водрузил ящик на стол и, заперев изнутри вход в разбойничью пещеру на засов, извлек из коробки с инструментами молоток да клещи и с головой погрузился в открытие ящика. Поскольку был он весьма опытным разбойником, который как свои пять пальцев знал разбойничье ремесло, то не понадобилось много времени, чтобы открыть крышку.

Он нагнулся над ящиком и заглянул вовнутрь. Тут он оцепенел.

Было ли чему радоваться? В ящике не оказалось ничего, кроме небольшой горсточки песка! Совершенно обыкновенного жалкого белого песка!

— А-а! — в ярости завопил разбойник Хотценплотц. — Меня облапошили, надо мной посмеялись!

Двумя руками он схватил свою кривую разбойничью саблю, набросился на бедный ящик из-под картофеля и изрубил его в пух и прах. А также и стол, который был сколочен из крепких дубовых досок, он разнес в клочья. Затем он кинулся к двери, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Но что это?

Тонкий песочный след тянулся по земле к пещере... Он выходил из густых зарослей и вел прямо сюда!

Хотценплотц не был бы столь хитрым разбойником, если бы тотчас же не понял, что думать по этому поводу.

Он изрыгнул чудовищное проклятие.

— Этот Касперль и этот Сеппель надумали обвести меня вокруг пальца! — прорычал он. —

Однако теперь мы обратим оружие противника против него самого, теперь-то эти два молокососа могут приготовиться к кое-чему весьма неприятному! Они у меня попляшут! Месть! Месть!

Касперль и Сеппель побежали не в полицию, а только за ближайшую кромку леса. Там они юркнули в кусты и принялись ждать. Когда они увидели, что Хотценплотц потащил с собой ящик из-под картофеля, они остались очень довольны.

— Мне даже немного жаль этого бедолагу, — сказал Сеппель.

— Почему? — спросил Касперль.

— Потому что придется ему теперь в одиночестве тащить тяжеленный ящик в такую даль. Надо надеяться, он не натрет себе мозолей!

— Кто? — вскричал Касперль. — Что касается меня, то пусть он таскает этот ящик до полусмерти! Не забывай, что он разбойник и похитил у бабушки кофейную мельницу!

Для безопасности они еще некоторое время оставались в своем укрытии на краю леса. Затем они осторожно вернулись на то место, где подверглись нападению Хотценплотца. Пустая тележка лежала вверх колесами в придорожной канаве.

— Тут она хорошо лежит, — сказал Касперль, — пусть тут и останется, пока мы не вернемся снова.

А где же песчаный след?

Им не пришлось долго искать: вот он уводит вглубь леса! Касперль хотел было немедленно отправиться по следу, но Сеппель удержал его за полу курточки.

— погоди! Нам нужно сперва переодеться!

— Переодеться?

— Обязательно! Разбойник Хотценплотц ни в коем случае не должен узнать нас!

— Гм... Это правильно. Однако где же мы в спешке найдем во что переодеться?

— Проще некуда: я одалживаю тебе свою шляпу и взамен получаю твою шапочку с кисточкой!

— И что же я буду делать с твоей тирольской шляпой?

— Глупый вопрос, ты должен будешь ее надеть! Тебе подходит?

— Не очень, — сказал Касперль.

Шляпа Сеппеля была ему слишком велика, выглядел он в ней как пугало в отпуске. Однако Сеппель решил, что это-то и хорошо.

— Грандиозно! — сказал он. — Тебя не узнать! Ну, а как я в твоей шапочке с кисточкой?

— Обхохочешься! — сказал Касперль. — Бабушка сразу бы снова упала в обморок, если б могла тебя сейчас увидеть!

— Тогда полный порядок. Теперь-то разбойник Хотценплотц совершенно определенно нас не узнает. Давай, идем!

Касперль и Сеппель отправились по тонкому песчаному следу, который Хотценплотц оставил за собой на лесном грунте. След был виден совершенно отчетливо, однако лес постепенно становился все гуще и мрачнее.

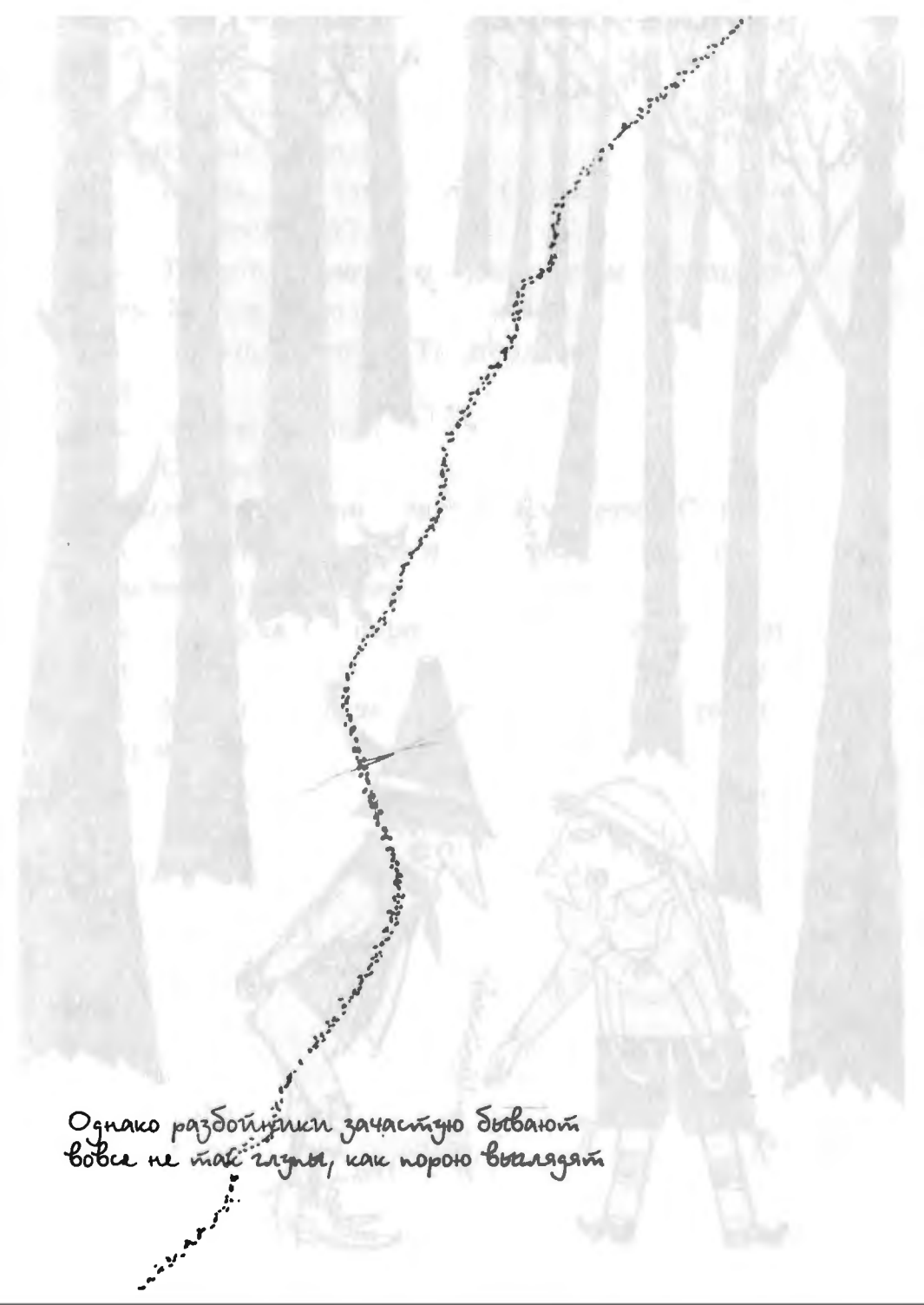
«Фу-ты! — подумал Сеппель. — Настоящий разбойничий лес! Счастье еще, что мы удачно замаскировались!»

Так они бежали чуть ли не целый час, когда Касперль, который двигался впереди, внезапно остановился.

— Что случилось? — спросил Сеппель.

След на лесной почве разделялся! Возможно ли такое? Вместо одного следа вдруг появилось два! Один след вел направо, а другой — налево.

— Ты можешь мне это объяснить, Сеппель?»

Однако разбойники зачастую бывают
вовсе не так глупы, как порою выглядят

— Конечно, Касперль. Один из двух следов наверняка фальшивый.

— Боюсь, что так и есть. Однако который же из них настоящий?

— Трудно сказать, но мы можем это проверить. Лучше всего нам расстаться.

— Ладно, Сеппель! Ты пойдешь направо или налево?

— Кинем жребий!

— Согласен!

Касперль и Сеппель загадали монетку. Сеппель дважды выбросил орла и один раз решку. Сие означало, что он должен идти налево.

— Ни пуха ни пера, и будь осторожен, Сеппель!

— Конечно, Касперль, я постараюсь. И тебе ни пуха ни пера!

Разбойник Хотценплотц с ухмылкой почесывал свою черную бороду. Его радовало, что в голову ему пришла такая дельная мыслишка — насыпать второй след из остатков песка, который он обнаружил на дне ящика. Надо надеяться, что Касперль и Сеппель проявят неосторожность и разойдутся в разные стороны! В конце песчаного следа каждого из этих двоих ожидало свое небо в алмазах, уж об этом-то Хотценплотц позаботился заранее.

Левый след был правильный, потому что вел к пещере разбойника. Беда заключалась лишь в том, что за стволом узловатого старого дуба не-

вдалеке от входа в пещеру притаился разбойник Хотценплотц с приготовленным для стрельбы пистолетом. В пистолетный ствол, правда, вставлена была не пуля, но заряд молотого перца вместо нее. А уж выстрел из перцового пистолета, это разбойник Хотценплотц знал, был в этом случае именно то, что надо.

«И долго еще этот пижон будет заставлять себя ждать?» — подумал Хотценплотц. Но нет, если он ничего не путает, кто-то неуверенными шагами уже пробирается там через лес...

Правильно, вот он внезапно появился между деревьев! На нем была ярко-красная шапочка с кисточкой: Касперль, следовательно!

Хотценплотц, конечно же, не мог знать, что в шапочке Касперля шел Сеппель. Хладнокровно поднял он перцовый пистолет и прицелился.

Он прицелился очень тщательно, медленно согнул палец... Ба-бах — молния, треск и облачка дыма.

Бедный Сеппель! Выстрел из перцового пистолета угодил ему прямо в лицо. Он ничего не видел и не слышал, он чихал, и плевал, и кашлял непрерывно. Как же жгло, и саднило, и щипало глаза! Ужас, просто ужас!

Теперь он стал легкой добычей разбойника Хотценплотца.

Хотценплотц связал ему руки и ноги веревкой, какой вяжут телят, погрузил его себе на спину и отнес в разбойничью пещеру. Там он свалил его в угол.

— Вот! — крикнул он. — Можешь теперь начинать вдоволь. Будь здоров!

Он выждал, пока Сеппель немного придет в себя. Когда он увидел, что действие перца ослабевает, он дал Сеппелю пинка ногой и с издевкою произнес:

— Добрый день, Касперль! От всего сердца добро пожаловать в мою пещеру. Она тебе нравится? Мне очень жаль, что у тебя насморк. Однако тут ничего не поделаешь, знаешь, из-за чего все это? Из-за того, что ты суешь свой нос в дела, которые тебя вовсе не касаются.

Сеппель ничего не смог возразить. Сеппель чихал.

— Будь здоров, Касперль! — сказал разбойник Хотценплотц.

Он сказал «Касперль»?

— Я не Касперль! — закричал Сеппель и снова начал чихать.

— Нет, понятное дело, нет, — ухмыляясь, рассудил Хотценплотц. — Я знаю, что ты не Касперль, а император Константинополя.

— Да нет же, я Сеппель!

— Конечно, конечно! А я вахмистр Димпфельмозер, на случай, если это тебе еще не известно.

— Но я действительно Сеппель!

— Закрой пасть! — завопил разбойник Хотценплотц. — Если ты выведешь меня из себя, я стану грубым и высеку тебя как сидорову козу! — Однако послушай-ка...

Динь-динь-динь-динь.

Колокольчик, который висел у входа в пещеру на дверной планке, зазвякал.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил разбойник Хотценплотц. — Нет, откуда тебе знать это. Ну тогда я все объясню. Звяканье означает, что как раз в этот момент твой приятель Сеппель плюхнулся в мою яму — в волчью яму! Конечно, ты удивился, пожалуй, настолько, что дара речи лишился, каково? Но утешься, с Хотценплотцем не могли справиться даже люди похлеще вас!

Хотценплотц громко расхохотался и захлопал себя по бокам. Затем он выгреб из-под кровати несколько веревок и мешок.

— Сейчас я пойду и принесу твоего приятеля Сеппеля, чтобы тебе здесь было не так одиноко, — сказал он. — Поразмысли-ка на досуге, *действительно* ли ты не Касперль! А пока что желаю весело провести время!

А что же тем временем пережил Касперль?

Расставшись с Сеппелем, он по «своему» следу все глубже и глубже забирался в густые дебри. В глубине души он проклинал не только разбойника Хотценплотца и жуткую дорогу, полную корней и терновых колючек, по которой он должен был преследовать его, но еще и шляпу Сеппеля.

Зеленая тирольская шляпа Сеппеля беспрестанно сползала ему на лицо. Он безостановочно сдвигал ее на затылок, но через каждые два шага она снова сидела у него на носу!

«Может быть, будет лучше, если я поверну ее?» — подумал Касперль и надел шляпу наоборот.

Это, однако, тоже ничем не помогло.

Еще не раз пришлось Касперлю сдвинуть на затылок дурацкую шляпу, и еще не раз она снова сползла ему на глаза — пока внезапно не раздался ужасный хруст и треск, и Касперль вместе со шляпой Сеппеля не свалился в одну из прикрытых хворостом волчьих ям, которыми была со всех сторон окружена пещера разбойника.

Теперь он сидел тут неожиданно-негаданно на глубине целого этажа, бедный Касперль, и растирал себе зад. Счастье еще, что он ничего себе не повредил! Это легко могло бы случиться после жесткого приземления с такой высоты.

«Вот вляпался! — подумал Касперль и огляделся по сторонам. — Четыре отвесных гладких стены и больше ничего. Как же я снова выберусь отсюда?»

Но ведь был еще Сеппель! Который наверняка нашел бы его и вызволил бы отсюда. Как-никак, Сеппель был его лучшим другом.

Скоро ли он заявится? Касперль весь обратился в слух. Ему показалось, будто он услышал, как кто-то приближается. Но этим «кто-то» оказался, к сожалению, не его друг Сеппель, а разбойник Хотценплотц! Касперль не сильно испугался, когда над краем волчьей ямы внезапно возникло лицо разбойника с всклокоченной черной бородой.

— Эй, Сеппель! — крикнул Хотценплотц. — Надо надеяться, ты не сломал себе шею! Не хочешь ли сказать «здравствуйте» любимому дядюшке? Представь-ка, дядюшка Хотценплотц пришел, чтобы помочь тебе выкарабкаться на волю. Ты же хочешь выбраться из ямы?

Касперль кивнул. Естественно, он хотел выбраться из ямы. Ему бы только оказаться на поверхности, а там дальше посмотрим. Может быть, он сможет тогда улизнуть.

— Внимание! — сказал Хотценплотц. — Точно выполняй то, что я скажу! Я опускаю тебе мешок на веревке — так, видишь... А теперь, Сеппель, забирайся в него!

— В мешок? — нерешительно спросил Касперль.

— Да, в мешок, — сказал Хотценплотц. — Я собираюсь вытащить тебя в нем наверх, по-другому не получится. Ну, давай же, сто чертей на сковородке! И не забудь там внизу свою шляпу!

Ах да, тирольская шляпа!

Касперль поднял ее с земли и напялил на голову. Затем он забрался в мешок, и разбойник Хотценплотц, как на лифте, вытянул его на поверхность из волчьей ямы. Но как только он, счастливый, оказался наверху, тот сделал то, что Касперль тоже сделал бы на его месте: он завязал

мешок. Теперь Касперль был взят в плен бесповоротно.

Поскольку все барахтанья и вопли ничем не помогли, Хотценплотц закинул добычу себе за плечи и отправился в разбойничью пещеру!

— Так, а вот и мы!

Хотценплотц шлепнул мешок на землю рядом с Сеппелем.

— Теперь мы, пожалуй, и выясним, кто из вас двоих Сеппель и кто Касперль!

Он слегка приоткрыл мешок, однако ровно настолько, чтобы Касперль смог высунуть из него голову — голову в тирольской шляпе. Высунуться побольше разбойник Хотценплотц ему не позволил.

— Может, ты теперь наконец признаешься, что ты Касперль? — заорал он на Сеппеля.

Сеппель хотел было возразить и на этот раз, что он-де Сеппель. Но Касперль опередил его и подмигнул ему. Быть может, оказалось весьма кстати, что разбойник перепутал их друг с другом...

— Ты почему мне не отвечаешь, арестант?

— Что же он должен вам ответить? — сказал Касперль вместо Сеппеля. — Вы и сами знаете это много лучше, господин Плотценхотц!

— Плотценхотц?! Меня зовут Хотценплотц!

— О, прошу прощения, господин Лотценпотц.

— Дурья башка!

— Почему же?

— Потому что меня зовут Хотценплотц, чтоб ты сгорел! Ты не можешь запомнить такое простое имя?

— Ну, разумеется, могу, господин Потценлотц! Хотценплотц взял понюшку табака.

Он сознавал, что не имеет смысла сердиться. Этот сопляк, этот Сеппель, был, очевидно, и в самом деле так глуп, как и выглядел в своей тирольской шляпе.

Разбойник обстоятельно развернул свой огромный носовой платок в клетку.

Он чихнул и высморкался.

Затем, основательно прочистив себе нос и снова отложив платок в сторону, он подступил к Касперлю и Сеппелю, заложил большие пальцы рук за пояс и обратился к ним с речью:

— Вы хотели по-шпионски выследить меня и теперь находитесь в моих руках, — сказал Хотценплотц. — Все устроилось к лучшему. Вы, правда, не заслуживаете снисхождения. Я мог бы, если б хотел, вспороть вам брюхо или оторвать башку, но это мне не к лицу. *А почему не к лицу?*

Он взял из табакерки очередную понюшку и чихнул, после чего продолжил дальше:

— Потому что я придумал для вас кое-что лучше! Тебя, Касперль, — он указал на Сеппеля, — я посажу на цепь, ты останешься в разбойничьей пещере и будешь работать на меня, пока не почернеешь! А тебя, Сеппель, — Хотценплотц указал на Касперля, — я продам!

— Ах, батюшки мои! — простонал Касперль. — И кому же?

— Кому? — сказал Хотценплотц. — Великому и злому волшебнику Петросилиусу Цвакельману, моему старому приятелю!

Петросилиус Цвакельман

Великий и злой волшебник Петросилиус Цвакельман сидел на кухне своего волшебного замка и с досадою чистил картошку.

Хотя он и был великим волшебником, который с легкостью мог превратить всякого человека в любое животное, а из грязи сделать золото, но вот склдовать кожуру с картошки, это, несмотря на многочисленные усилия, ему еще никогда не удавалось. И если, таким образом, он не желал изо дня в день питаться только лапшой да перловкой, ему волей-неволей приходилось самому время от времени надевать кухонный фартук и собственноручно выполнять это докучное дело.

— И помочь-то некому, потому как нет у меня прислуги! — вздыхал великий волшебник Петросилиус Цвакельман.

А почему у него не было слуги?

«Потому что я не встретил еще ни единого, который бы мне подходил, — размышлял он. — Ибо такой слуга должен прежде всего быть глупым. Только круглого дурака я мог бы принять в свой волшебный замок, не опасаясь того, что он раскроет все мои планы. В этом вопросе мне, как волшебнику, нужно проявлять беспримерную прозорливость и беспредельную предусмотрительность. Чем ждать, пока кто-нибудь подложит мне свинью, лучше уж собственноручно чистить картошку, даже если мне это дается с таким трудом».

Петросилиус Цвакельман прервал на время своих раздумий работу. Только он хотел продолжить чистку — как зазвонил домашний колокольчик.

— Одну минутку, — крикнул великий волшебник Петросилиус Цвакельман, — уже иду!

Он выбежал в прихожую, схватился за тяжелый засов и хотел было отворить двери замка. Однако в последнее мгновение вспомнил, что на животе у него все еще болтается кухонный фартук! Ах, какой конфуз — Петросилиус Цвакельман в кухонном фартуке! Еще не хватало, чтобы кто-нибудь лицезрел его в этом недостойном виде!

Вторично зазвонил домашний колокольчик.

— Да иду же, иду! — крикнул Цвакельман.

Он сорвал с себя фартук. Однако куда ж его деть?

«Фокус-покус!»

Великий волшебник Цвакельман щелкнул пальцами. Тут фартук сам по себе упорхнул прямо на кухню и занял в посудном шкафу свой крючок.

Домашний колокольчик зазвонил в третий раз.

Петросилиус Цвакельман отодвинул запор и отворил дверь. На пороге, с мешком на плечах, стоял разбойник Хотценплотц.

— Ба, смотри-ка! — обрадованно воскликнул великий волшебник. — Старый приятель, ты еще жив? Добро пожаловать ко мне, добро пожаловать! Не желаешь ли зайти?

— Охотно, — сказал Хотценплотц.

Петросилиус Цвакельман проводил его в свой кабинет. Это была большая честь для Хотценплотца. Сюда великий волшебник позволял входить только своим лучшим друзьям. Гостей обыкновенных он принимал (если вообще принимал их) в зале замка.

В кабинете Цвакельмана стоял огромный книжный шкаф, набитый толстыми книгами в кожаных переплетах. Стопки таких же толстых книг лежа-

ли на письменном столе, на подоконнике и на полу. Над письменным столом с потолка свисал крокодил (это было чучело), а в глубине комнаты, в углу, прислонился скелет, который держал в правой костлявой руке горящую свечу.

Петросилиус Цвакельман уселся в свое кресло за письменным столом и указал на стул с высокой спинкой, стоящий напротив него.

— Не хочешь ли присесть, старый холостяк? Хотценплотц кивнул и уселся.

— От понюшки не откажешься? — спросил великий волшебник.

— Всегда с удовольствием!

Цвакельман щелкнул пальцами и будто что-то схватил в пустоте. Он выколдовал из ничего серебряную табакерку с нюхательным табаком и протянул ее Хотценплотцу.

— Пожалуйста, угощайся!

Хотценплотц взял изрядную щепотку и понюхал. Он чихнул так ужасно, что едва не счихнул с потолка крокодила.

— Ух, дьявольское зелье, мой дорогой, вот это, я понимаю, — табак! Он в три раза крепче толченого стекла! Откуда он у тебя?

— Самосад-с, — сказал великий волшебник, — моя собственная смесь, марка «Утешение носа». Да возьми же еще щепотку!

Хотценплотц вдруг засиял — в голову ему пришла одна мысль. Он понюхал табак и чихнул. Затем произнес:

— А не заключить ли нам одну сделку?

— Сделку? — спросил Цвакельман.

— Да, — сказал Хотценплотц, — табачную сделку!

Цвакельман презрительно сморщил нос.

— И что же ты мог бы мне предложить? — спросил он. — Ты что, не знаешь, что у меня денег куры не клюют?

— Да кто же говорит о деньгах! — сказал Хотценплотц. — Я предлагаю тебе кое-что получше. Угадай-ка!

Петросилиус Цвакельман наморщил лоб и задумался. Хотценплотц выждал какое-то время и затем предложил:

— Позволь, я тебе помогу? Это нечто такое, что ты безуспешно ищешь уже давным-давно...

— Нечто такое, что я безуспешно ищу уже давным-давно? — Великий волшебник насторожился. — Может быть, это какая-нибудь новая книга по волшебству?

— Нет-с, слуга!

— Ха! — воскликнул великий волшебник Цвакельман. — В самом деле? Слуга? Но достаточно ли он глуп?

— Глупее не бывает, — сказал разбойник Хотценплотц.

— И где же он у тебя?

— Здесь, сидит в мешке!

Хотценплотц развязал веревку, которой был затянут мешок. Тот упал, и на свет божий явился Касперль в шляпе Сеппеля на голове.

Петросилиус Цвакельман щелкнул пальцами и приколдовал сюда свои очки. Он оседлал ими нос и подверг Касперля придирчивому осмотру. Касперль же сморщил такую глупую физиономию, какую только мог.

— Он столь же глуп, как выглядит? — спросил великий волшебник Цвакельман.

— Несомненно, — ответил Хотценплотц.

— Это хорошо, — сказал Цвакельман, — это *очень* хорошо! Как же его зовут?

— Сеппель.

— Ага. Итак, Сеппель, я беру тебя. Ты умеешь чистить картошку?

— Естественно, господин Шнакельман!

Петросилиус Цвакельман вскипел.

— Ты коверкаешь мое имя, разгильдяй? — в ярости воскликнул он. — И к тому же я не просто господин, я требую от тебя обращения «великий волшебник Петросилиус Цвакельман»! Заруби это себе на носу раз и навсегда!

— Очень хорошо, великий волшебник Цепродилиус Вакельцан! — с совершенно невинным видом произнес Касперль.

— Чтоб ты провалился!

Великий волшебник ухватил Касперля за шиворот и сильно встряхнул его.

— Ты думаешь, я потерплю, что ты будешь надо мной насмеяться? Превратить тебя не сходя с места в обезьяну или в дождевого червя?

Петросилиус Цвакельман щелкнул пальцами — и хоп! — в руке у него оказался волшебный жезл. Но Хотценплотц не допустил, чтобы он заколдовал Касперля. Разбойник обнял Цвакельмана и успокоил его.

— Сеппель не нарочно искажил твое имя, старый друг! Он не запомнил его, для этого он слишком глуп!

— Ах, так! — протянул Петросилиус Цвакельман и после этого рассмеялся. — Хотценплотц, — воскликнул он, — не могу выразить, как я рад! Этот Сеппель мне нравится, он как будто создан для моего домашнего хозяйства! Я быстренько сведу его на кухню, пусть он там начистит картошку. Потом мы можем в спокойной обстановке поговорить с тобой о цене.

— Давай лучше поговорим об этом сейчас! — сказал разбойник Хотценплотц.

— И то верно! Я предлагаю тебе... скажем — полмешка нюхательного табака!

— Только половину? — ответил Хотценплотц. — Это не маловато ли за целого слугу?

— Ну ладно, — сказал Петросилиус Цвакельман, — ты получишь целый мешок. Идет?

С этими словами он протянул Хотценплотцу правую руку.

— Идет! — согласился Хотценплотц и ударил по ней. — С этого момента ты можешь делать с Сеппелем все, что тебе заблагорассудится, отныне он твой!

Будь здоров!

Остаток дня Касперль провел на кухне в замке волшебника Цвакельмана за чисткой картофеля. Великий и злой волшебник никак не мог досыта налопаться этим первым картофелем, который ему не пришлось чистить самому. За обедом он уничтожил семь мисок картофельного пюре, а во время ужина — шесть с половиной дюжин картофельных кнедлей в луковой подливке. Ничего удивительного, что в этот вечер он пребывал в наилучшем расположении духа!

Наконец он поднялся из-за стола, снисходительно похлопал Касперля по плечу и сказал:

— На сегодня достаточно! А теперь я хочу показать тебе, где ты будешь спать. Пойдем-ка со мной, Сеппель!

Касперль проследовал за великим волшебником Петросилиусом Цвакельманом через прихожую в маленькую комнатку. Там стояли голая кровать да умывальник.

— Это твоя каморка, Сеппель, здесь ты будешь спать.

— Здесь? На голой кровати? — спросил Касперль.

— Наберись терпения! — сказал Петросилиус Цвакельман.

Он щелкнул пальцами.

Тут же на железном кроватном каркасе уже лежал — откуда он появился здесь, Касперль сказать не брался — толстый соломенный тюфяк. Затем Цвакельман щелкнул во второй, в третий и в четвертый раз подряд: поверх соломенного тюфяка уже лежали простыня, перина и подушка.

— Так, этого будет достаточно! — сказал великий волшебник. — Теперь я отправляюсь в постель. Спокойной ночи, Сеппель!

— Спокойной ночи, великий волшебник Эпролисиус Дакельшванц!

Цвакельман удалился. Его спальный покой располагался наверху в башне замка, на шестом этаже. А каморка Касперля, так же как и кухня, находилась на первом этаже. Если выглянуть в окно,

взгляду представал заросший зеленью и сорняками огород. За ним начинался лес.

А окно?

Решетки на окне не было, и оно открывалось изнутри!

«Неплохо! — подумал Касперль. — Боюсь, что с завтрашнего дня великий волшебник снова должен будет чистить картошку сам...»

Касперль дождался, пока на улице совершенно стемнеет. Если он окажется на свободе, то хотелось бы как можно скорее освободить также и своего друга Сеппеля. Как это осуществить, ему еще предстоит подумать. Первым делом — выбраться отсюда!

Крепко ли уже уснул Петросилиус Цвакельман?

Касперль осторожно выбрался из окна в огородные заросли! Он пристально осмотрел замок снизу доверху. Все было погружено во мрак, вокруг стояла мертвая тишина. Так, хорошо!

Садовая ограда была не особенно высока. Однако лишь только Касперль хотел было через нее перебраться, произошло нечто неожиданное: кто-то схватил его сзади за полу куртки и за шиворот и рванул назад! Касперль довольно неласково приземлился на четвереньки.

Кто же это схватил его? Может быть, великий волшебник Петросилиус Цвакельман собственной персоной?

Касперль испуганно огляделся вокруг — надо же, ни души не было видно во всем огороде!

«Думаю, мне все это померещилось, — решил Касперль. — Надо еще раз попробовать, на сей раз как-нибудь по-другому!»

Сказано — сделано.

Касперль поднялся и отступил на несколько шагов. Потом пустился бегом к садовой ограде. Он намеревался преодолеть ее одним махом. Но ему опять не повезло! На сей раз кто-то поймал его за шкуру и с силой отбросил назад так, что он плюхнулся словно мешок с мукой.

Некоторое время Касперль оставался там, где он как раз и лежал, а именно точно посреди петрушечной грядки волшебника Цвакельмана. Он весь обратился в слух, но ни травинка не шелонулась.

— Тсс! — прошипел он. — Здесь есть кто-нибудь? Никакого ответа.

«Если здесь кто-нибудь есть, он должен ответить!»

Вокруг царила мертвая тишина. Только снаружи, по другую сторону ограды, шелестел лес.

«Я, должно быть, ошибся, — подумал Касперль. — Итак, попробуем в третий раз... Однако перелезать у меня больше нет охоты, попытаюсь-ка я пробраться под оградой!»

На четвереньках Касперль полз вдоль ограды и искал лазейку. В одном месте расшаталась планка! Она отодвинута в сторону, дыра образовалась как раз подходящая.

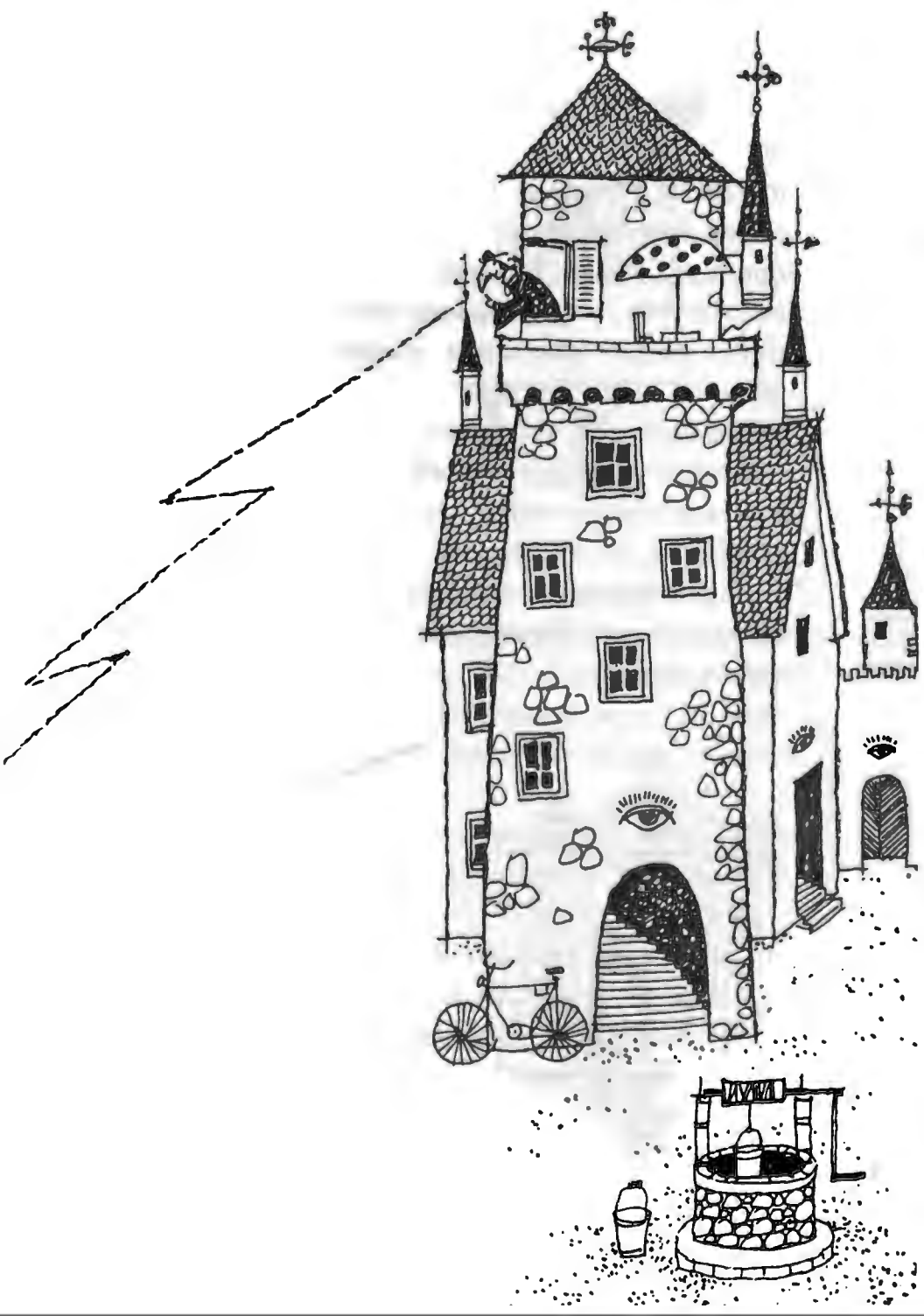
«Прекрасно!» — подумал Касперль и хотел было резво проползти наружу. Но неудача ждала его и на этот раз, потому что кто-то ухватил его за ноги и без лишних церемоний рванул прочь от ограды.

Но и этим дело не кончилось!

Внезапно раздался шлепок, и Касперль получил такую затрещину, что громко закричал от испуга.

От этого крика проснулся великий волшебник Петросилиус Цвакельман, зажег свечу и свесился, с ночным колпаком на голове, из окна спального покоя на шестом этаже.

— Ай-ай-ай, что я слышу и вижу? — воскликнул он. — Сеппель надумал сбежать! Однако, однако... какой же ты дурак, Сеппель! Из моего волшебного замка тебе нет дороги на волю! Если ты захочешь покинуть замок, то либо с моего разрешения (которого я тебе, конечно, никогда не дам), либо дело у тебя пойдет ни на йоту лучше, чем только что. Ложись-ка спать, Сеппель, и на будущее никогда больше не нарушай мой ночной покой — иначе...

Сверху блеснула молния и ударила в землю почти у самых ног Касперля. Касперль обомлел от испуга, а наверху, на шестом этаже своей замковой башни, великий волшебник Петросилиус Цвакельман с издевательским смехом громко захлопнул окно.

*А что еще ожидать
от такого злодея?*

На следующее утро Касперль должен был сварить великому волшебнику целый стиральный котел картофельного мусса, и Цвакельман только тогда выпустил из рук ложку, когда котел опустел. Затем он удовлетворенно вытер рот краешком волшебного халата.

— А я? — в недоумении спросил Касперль, так как надеялся, что Цвакельман и ему что-нибудь да оставит.

— Не беспокойся, мой дорогой!

Волшебник щелкнул пальцами и выколдовал каравай хлеба, и масла с сыром в придачу.

— Это для тебя, Сеппель, — сказал он. — Однако погоди приступать к еде, мне нужно кое-что сказать тебе...

Он откашлялся и начал:

— Сегодня я должен оставить тебя здесь одного, потому что отправляюсь к коллеге в Букстехуде и вернусь только поздно вечером. Если проголодаешься, сходи в кладовую и возьми себе все, что понравится. Но главное для тебя — это работать. Запомни, что тебе следует сделать! Во-первых, начистить и мелко нарезать шесть ведер картофеля для вечерней трапезы; во-вторых, распилить три сажени дров, наколоть их и сложить в штабеля; в-третьих, вымыть шваброй пол на кухне; и, в-четвертых, перекопать пустые грядки в моем огороде. Повтори!

— Как прикажешь, великий волшебник Спектрофилиус Цакельшван! — сказал Касперль. Он решил отныне выполнять все настолько глупо, насколько возможно. Этим он намеревался довести Петросилиуса Цвакельмана до полного отчаяния. Может быть, тогда великий волшебник так рассвирепеет, что вытолкает его из замка в три шеи.

Сейчас Касперль изобразил глубокое и напряженное размышление. Он вращал глазами и чесал себе затылок. Петросилиус Цвакельман некоторое время смотрел на него выжидающе, потом потерял терпение.

— Хватит, хватит! — воскликнул он. — Ты что, не видишь, что я должен идти? Открой рот и повтори мне, что ты должен сделать!

— Что я должен сделать? — спросил Касперль. — Я должен... Да шут его знает, что я должен сделать? Только что я еще помнил это. Но сейчас... Минуточку, я думаю, что сейчас мне это снова приходит в голову!

Касперль сдвинул тирольскую шляпу на затылок.

— Я должен буду, во-первых, напилить, наколоть и сложить в штабеля шесть ведер картофеля; во-вторых, вымыть шваброй три сажени дров; в-третьих, снять кожуру с пола на кухне и мелко его нарезать для вечерней трапезы; в-четвертых...

— Остановись! — воскликнул великий волшебник Петросилиус Цвакельман. — Прекрати нести чушь, тотчас же прекрати!

Касперль сделал недоуменное лицо.

— Почему прекратить? — спросил он.

— Потому что ты все путаешь и мешаешь одно с другим! Начни-ка еще раз все сначала!

— С большой охотой, великий волшебник Репроцилиус Факельшпан! Я должен буду, во-первых, перекопать шесть ведер картошки; во-вторых, распилить, наколоть и сложить в штабеля пол на кухне; в-третьих, вымыть шваброй пустые грядки в огороде; в-четвертых... Что бишь там было четвертое?

— Чепуха! — закричал Петросилиус Цвакельман. — Чепуха, чепуха!

— Почему? — спросил Касперль.

— Почему? — Петросилиус Цвакельман постучал себя пальцем по лбу. — Потому что ты глуп! Глуп как пень! Ты ни разу не сумел запомнить простейших заданий! С тобой дойдешь до отчаяния! До от-чая-ния!

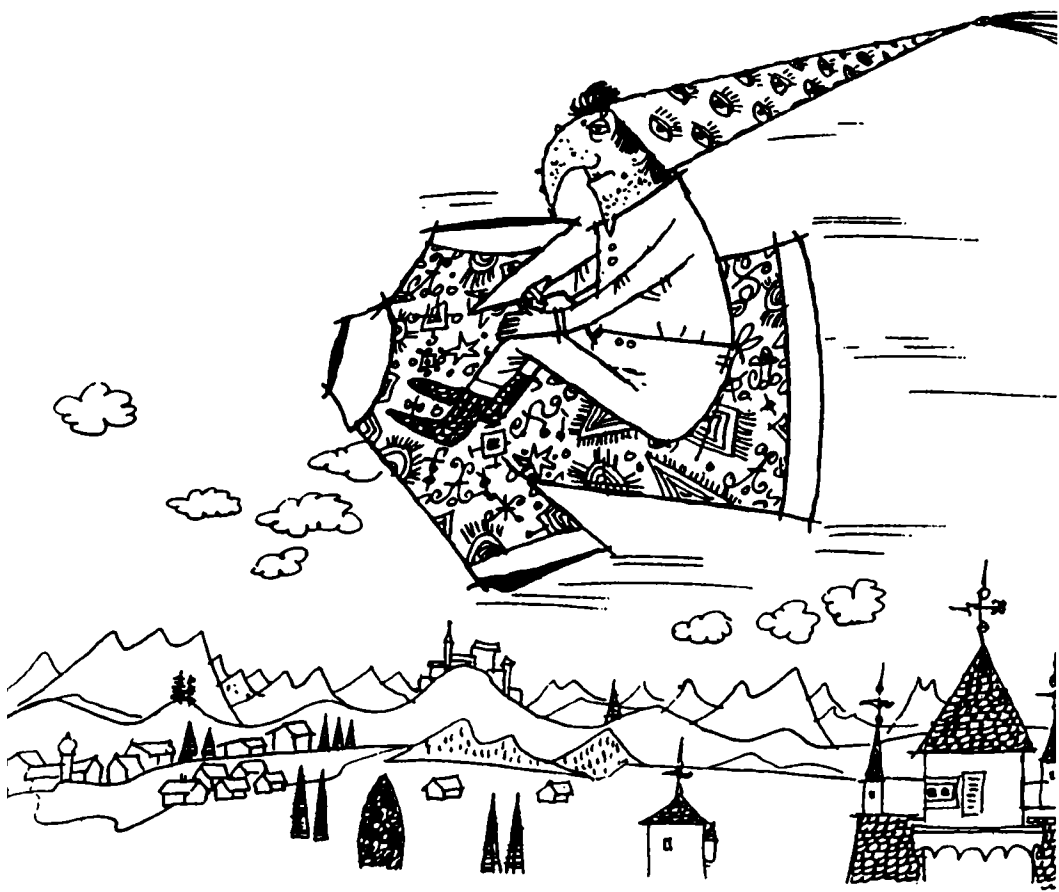
Великий волшебник в ярости топнул ногой.

«Сейчас сбудется! — подумал Касперль. — Сейчас он без лишних разговоров вышвырнет меня отсюда взащей!»

Но увы!

Великий волшебник Цвакельман не вышвырнул его отсюда, потому что нуждался в нем. Он щелкнул пальцами и выколдовал из воздуха бутылку тминной водки. Ею прополоскал свое раздражение, затем сказал:

— То, что ты круглый дурак, Сеппель, хотя и весьма досадно в некотором отношении, но имеет, бесспорно, и свои известные преимущества! Короче говоря: будет вполне достаточно, если до сегодняшнего вечера ты начистишь шесть ведер картофеля, начистишь и мелко нарежешь. Хорошенько запомни, потому что на ужин я желаю отведать жареной картошки. От остальных работ ты вследствие своей глупости освобождаешься. Так, а теперь я должен торопиться, иначе мой коллега в Букстехуде решит, что я позабыл о нем!

Великий волшебник Петросилиус Цвакельман спешно поднялся на верхнюю площадку башни. Там он расстелил на полу свой широкий, вытканый красными и желтыми знаками волшебный халат, уселся на него и произнес заклинание. Тотчас халат вместе с ним взмыл в воздух и понес его в Букстехуде.

А Касперль?

После того как он до отвала наелся бутербродов с сыром, он приступил к работе. Он сидел на кухне, чистил картофель и размышлял.

Он должен прежде всего подумать о Сеппеле.

Вчера, перед уходом, Хотценплотц приковал того за левую ногу к стене своей разбойничьей пещеры, в мрачном углу, между бочкой с порохом и кадкой с перцем.

Неужели он все еще там на цепи, на холодном каменном полу?

«Хоть бы он дал ему, по крайней мере, охапку соломы или одеяло, этот Хотценплотц!» — думал Касперль.

И чем дольше он предавался мыслям о Сеппеле, тем пламеннее становилось его желание узнать, как жилось другу с той поры в разбойничьей пещере...

Много часов пролежал Сеппель в одиночестве в мрачной разбойничьей пещере, и не будь цепи на его ноге, он мог бы сбежать оттуда, куда только хотел. Но цепь не поддавалась. Он в отчаянии дергал ее и тряс: она сидела крепко, все было бесполезно.

Ближе к вечеру, громко топая, снова появился Хотценплотц. Он сбросил с плеч мешок с нюхательным табаком, затем швырнул в угол шляпу и плащ и зажег свечу.

— Так, старина Касперль, побездельничал, а теперь поработай!

Перво-наперво Сеппель должен был помочь стянуть с Хотценплотца грязные сапоги, лишь затем он был освобожден от цепи.

— Ступай к очагу и разведи огонь! Я по дороге позаботился о жирном гусе. Когда разгорится огонь, ощибли его и быстро на вертел. Я люблю гуся хорошенько поджаренным со всех сторон, но смотри внимательно, чтоб он у тебя не подгорел! Я тем временем хочу устроиться поудобней и переодеться в домашнюю куртку.

Сеппель ощибал гуся и зажарил его. Пока он проворно крутил вертел, запах жареного щекотал ему ноздри. У него с сегодняшнего утра маковой росинки во рту не было, он очень ослаб от голода. Может быть, разбойник Хотценплотц оставит ему кусочек?

Но разбойник Хотценплотц даже не подумал об этом! Когда жареный гусь был готов, он воскликнул: «Приятного аппетита!» А потом слопал лакомую птицу до последнего кусочка, и Сеппель остался ни с чем. Он не получил даже обглоданной косточки, чтобы погрызть ее!

— Гмм... отменно вкусно! — сказал Хотценплотц после еды и рыгнул. — Теперь я мог бы побаловать себя чашечкой кофе...

Он подошел к сундуку и нашарил там кофейную мельницу. Бабушкину кофейную мельницу! Которую он наполнил кофейными зернами.

— На, — крикнул он Сеппелю, — мели!

И Сеппелю пришлось на бабушкиной кофейной мельнице молоть кофе для Хотценплотца. При этом мельница играла «Все вокруг нынче май обновил...». Это было для него тяжело — гораздо тяжелее, нежели все остальное, что пережил он в этот несчастный день.

— Что с тобой? — спросил разбойник Хотценплотц, когда увидел, что у доброго Сеппеля выступили слезы. — У тебя такой унылый вид, Касперль, я этого не люблю! погоди, я хочу тебя немного развеселить!

Он сорвал шапочку с кисточкой с головы Сеппеля.

— Ты мне не нравишься в этой дурацкой шапке! Она к твоему лицу не подходит — следовательно, прочь ее!

Недолго думая он бросил шапочку с кисточкой в огонь, и та сгорела.

— Разве не весело? — воскликнул он. — Я считаю, можно просто умереть со смеху!

Хотценплотц смеялся, а Сеппель плакал. Он плача домалывал кофейные зерна, и бабушкина мельница играла при этом песенку.

После этого Сеппель должен был вычистить разбойнику сапоги и навести на них безупречный глянец. Затем его снова приковали на цепь, а Хотценплотц улегся в постель и погасил свет.

Полночи Сеппель не мог сомкнуть глаз от горя и тоски по дому. Он лежал на каменном полу между бочкой с порохом и кадкой с перцем и думал о Касперле. Что бы сказал Касперль, коли б узнал, что разбойник Хотценплотц спалил его шапочку с кисточкой? Однако узнает ли он вообще когда-нибудь об этом, Касперль?

«О Господи, — вздохнул Сеппель, — в какую же злую беду мы здесь попали, мы, два неудачника!»

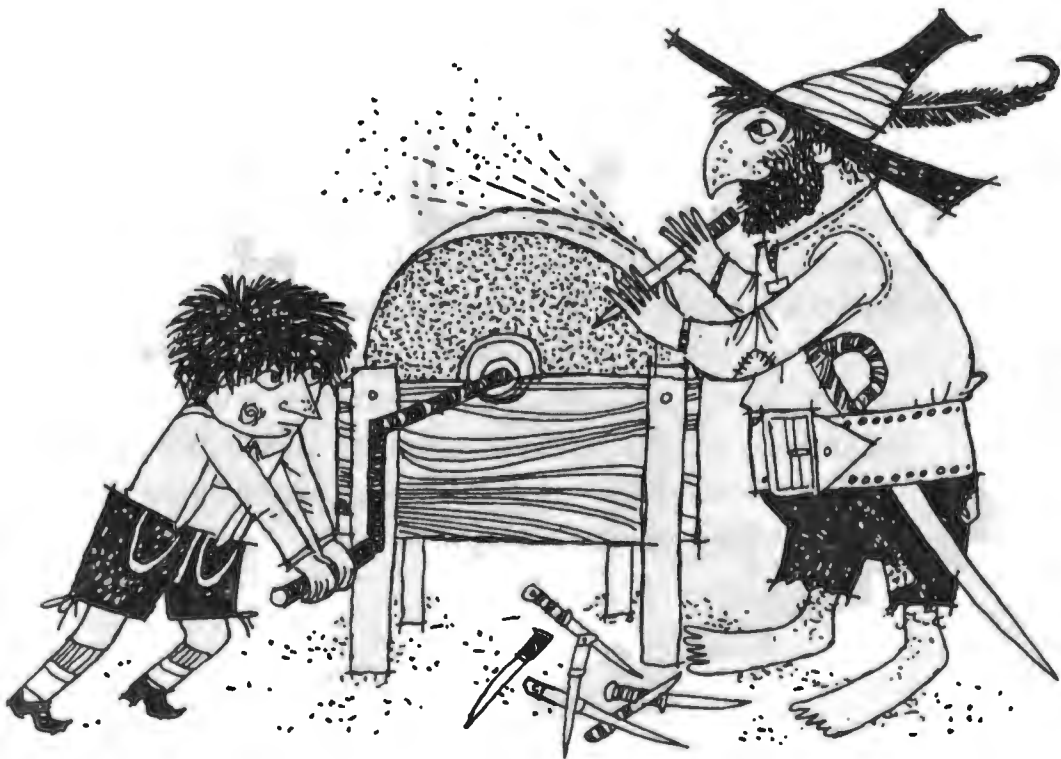
Но потом его все-таки одолел наконец сон. И он увидел во сне Касперля и его бабушку, будто бы в бабушкиной светелке они сидели за кофе и пирогом — за сливовым пирогом со сбитыми сливками, само собой разумеется! — и на Касперле была его, Касперлева, шапочка, и все было хорошо и в отличнейшем порядке. Больше не было цепи на ноге, не было разбойничьей пещеры и не было Хотценплотца.

Если б этот сон никогда не кончался!

Но он кончился слишком, слишком рано для бедного Сеппеля. Ровно в шесть часов утра разбойник Хотценплотц проснулся и разбудил его.

— Эй ты, соня! Подъем, приступай к работе!

Сеппель молот кофе, рубил дрова, разводил огонь. Хотценплотц плотно позавтракал, в то время как Сеппель должен был стоять рядом и наблюдать. Потом он прибрал помещение, натаскал

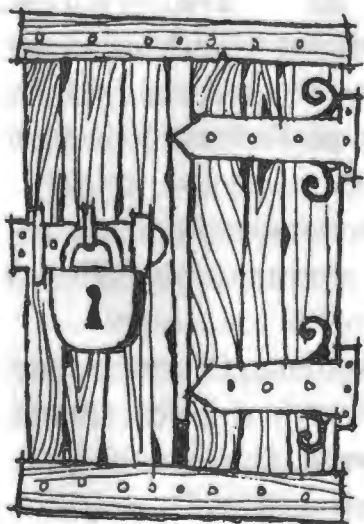
дров, вымыл посуду. После этого Сеппелю пришлось крутить точильный камень, а Хотценплотц точил на нем свою кривую разбойничью саблю и семь ножей.

— Эй, давай крути, олух царя небесного! Точильный камень — это тебе не шарманка! Быстрей, быстрей!

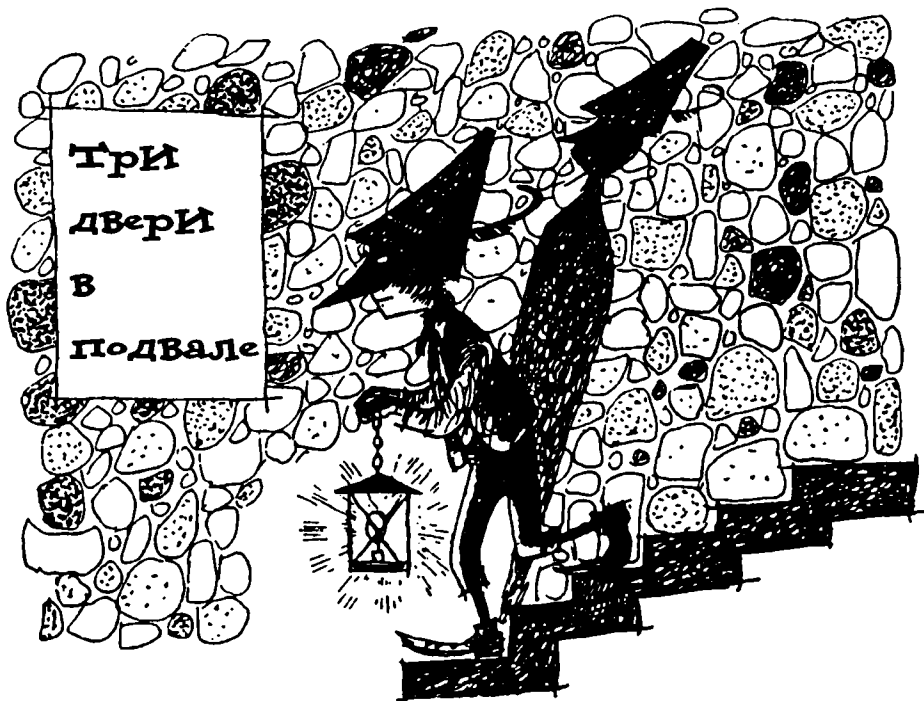
Когда и седьмой нож был наточен, Сеппелю пришлось снова забраться в свой угол и опять сидеть на цепи. Потом лишь разбойник Хотценплотц кинул ему корку заплесневелого хлеба.

— На, поешь, чтоб не сдох с голоду, Касперль! Теперь я отправляюсь на свою каждодневную работу. А ты здесь будешь, наверно, баклуши бить да лодырничать. Поэтому сегодня вечером, когда я вернусь домой, ты тем прилежнее должен будешь для меня поработать! Почему тебе должно житься лучше, чем твоему приятелю Сеппелю у великого и злого волшебника Петросилиуса Цвакельмана?

С этими словами он покинул разбойничью пещеру и запер за собой дверь на замок.

Каков негодяй!

Начистив три ведра картошки, Касперль решил устроить себе перерыв. Он отложил нож в сторону, вытер мокрые руки о штаны и пошел разведать, что же съестного можно отыскать в кладовой волшебника Цвакельмана. Ибо скоро уже должен был наступить полдень, и он проголодался.

Сразу у входа в кладовую он обнаружил бочонок с солеными огурцами.

«Кислое веселит! — подумал он. — Следовательно, это для меня верное лекарство!»

Он слопал три соленых огурца. После чего почувствовал себя значительно лучше и один за

другим попробовал несколько различных мармеладов, которые горшок к горшку выстроились на полке. Затем он выпил кружечку пахты и, наконец, отрезал себе кружочек салами. Потому как колбасы и окорока также имелись в кладовой Цвакельмана, всевозможнейшие колбасы всякой длины и толщины. Они свисали с потолка, ему стоило только протянуть руку.

«Как в сказочной стране с молочными реками и кисельными берегами!» — подумал Касперль.

Но в то время как он стоял там и, задрав голову, разглядывал колбасы, он вдруг услышал глухое всхлипывание:

— Ох-ох-ох-хоо!

Ужас охватил его. Он, оказывается, был в волшебном замке не один? Еще кто-то находился здесь кроме него — и кто ж это?

«Подумаешь! — решил Касперль, — мне это должно быть все равно!»

Он откромсал кусок перцовой колбасы и сунул в рот. Тут снова до слуха его донеслось всхлипывание:

— Ох-ох-ох-хоо!

Оно раздавалось страшно глухо и печально — так печально, что у Касперля от одного этого звука пропал аппетит. Тут действительно кто-то был! Кто-то, стонущий от неизбывного горя.

«Могу ль я помочь ему? — размышлял Касперль. — Мне надо выяснить, что тут происходит! Я не в состоянии долго такое слушать, от этого становится еще унылее!»

Касперль прислушался, с какой стороны доносилось всхлипывание. Он проследовал на звук из

кладовой назад в кухню, оттуда направился в прихожую и потом дальше до двери в подвал.

— Ох-ох-ох-хоо!

Звуки доносились из глубины подвала. Набраться ли смелости и спуститься вниз?

— Сейчас приду! — крикнул он вниз. — Я только найду, чем посветить!

Он побежал на кухню и снял фонарь с крюка над столом для мытья посуды. Вытащил спичку — рраз! — поднес к фитилю, и готово!

Он осторожно спустился по скользким ступеням лестницы в подвал. Здесь было сыро и затхло, Касперлю стало зябко. Крупные водяные капли падали с потолка и шлепались ему на шляпу. Вот он оказался в каком-то длинном невысоком коридоре и через десять-двадцать шагов наткнулся на дверь.

Дверь была обита железом, на ней висела табличка в черной рамке:

Одно мгновение Касперль колебался. Затем он снова услышал всхлипывание, и ему стало ясно, что он должен продолжить движение. Он нажал на дверную защелку и отворил дверь.

Но что это? Сразу за первой дверью он натолкнулся на вторую! Она тоже была обита железом, и на ней тоже висела табличка в черной рамке. Он поднял фонарь и прочитал:

«Ого-го! — подумал Касперль. — Мне кажется, что становится все запрещеннее и запрещеннее!

Однако он и на этот раз набрался мужества, и как только жалобное всхлипывание вскоре разредалось снова, Касперль открыл и эту дверь.

Все-таки, чтоб ей провалиться, и она оказалась не последней на его пути! Уже через несколько шагов он стоял перед третьей дверью. На той тоже висела большая, заключенная в черную рамку табличка, и виднелась надпись:

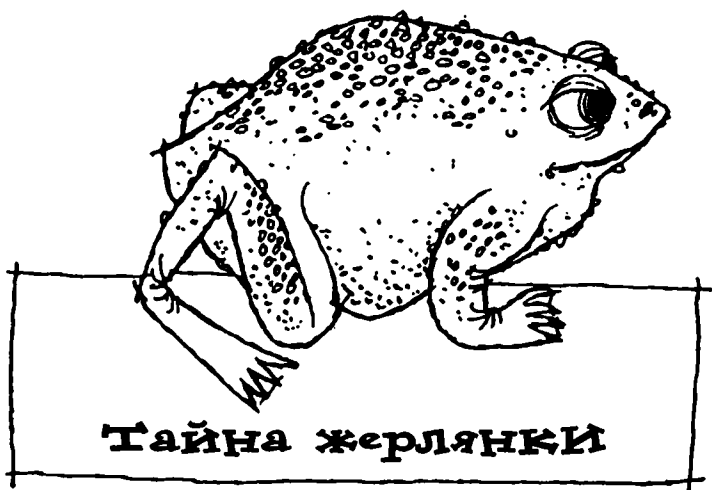
Касперль почувствовал пустоту и резь в животе. Был ли это страх — или давали о себе знать соленые огурцы и пахта?

«Может быть, мне лучше повернуть назад?» — подумал он.

Тут за третьей дверью в очередной раз послышалось: «Ох-ох-ох-хоо!» На этот раз это прозвучало настолько жутко и жалобно, что кровь застыла у доброго Касперля в жилах. Он позабыл и все рези в животе, и весь страх.

Один шаг, потом щелчок — задвижка отодвинулась, со скрипом и визгом (невероятно мерзким) эта дверь тоже открылась.

А когда вужжати гдери, простио гдх захдвннвднати

— Стой, не двигайся! Ни шагу дальше!

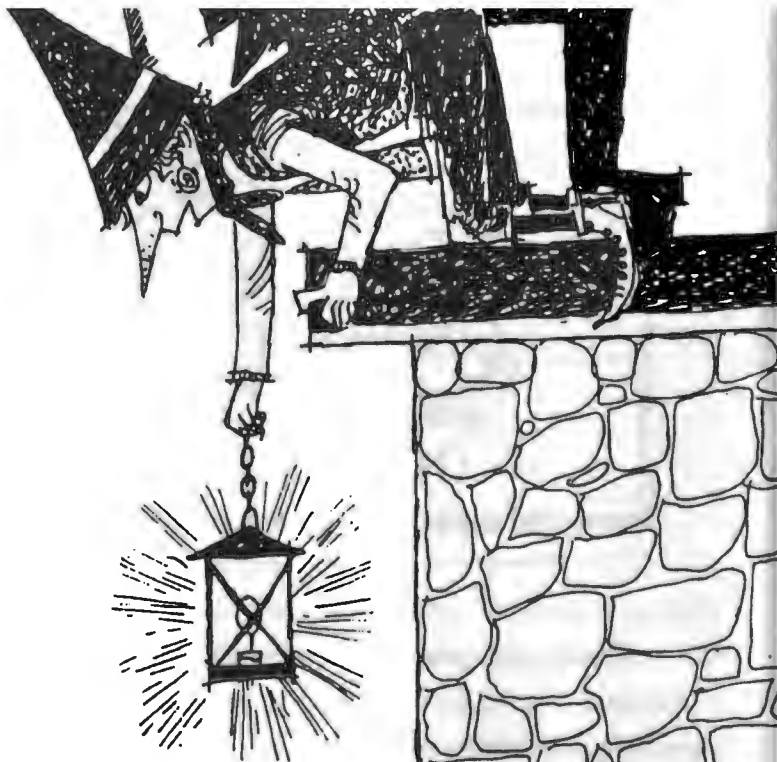
Едва Касперль занес ногу над порогом, как его встретил этим окриком отвратительно квакающий голос. Если он ничего не путал, это был тот же самый голос, который всхлипывал прежде.

Он услышал его и остановился.

В свете фонаря он разглядел, что очутился в маленьком темном подвале. Но в этом подземном подвале не было пола! На ширине ладони от кончиков Касперлевых башмаков зияла глубокая пропасть, заполненная черной водой.

Касперль невольно отступил на шаг назад и прижался спиной к дверному косяку.

— Есть тут кто? — спросил он. Его голос прозвучал неясно и глухо, он совершенно не узнал его.

Какой-то плеск и бульканье донеслись до его слуха, они поднимались к нему из глубины.

— Да, здесь кто-то есть! — проквакало в ответ. — Если ты ляжешь плашмя на пол и заглянешь вниз, то увидишь меня.

Касперль послушался и на этот раз.

Лежа на животе, он дюйм за дюймом придвинулся к пропасти. Держа в вытянутой руке фонарь, он заглянул через край вниз.

— Где ты? Я тебя не вижу.

— Здесь внизу я, в воде. Ты должен опустить фонарь немного пониже.

Внизу что-то плавало в черной воде, нечто с огромными вытаращенными глазами и широкой провисающей пастью.

— Ну? — проквакало Нечто. — Теперь-то ты меня видишь?

— Вот теперь вижу, — сказал Касперль.

— И кем ты меня считаешь?

— Будь ты чуточку поменьше, я бы сказал — жабой. Или же лягушкой.

— Ты ошибаешься. Я жерлянка.

— Ага, — сказал Касперль и подумал: «Однако и для жерлянки ты, на мой взгляд, тоже слишком крупная...» Затем громко добавил: — И что же ты там внизу делаешь?

— Я жду.

— Чего же?

— Своего освобождения. Ибо ты должен знать, что в действительности я никакая не жерлянка, а...

— Ну а кто? — спросил Касперль.

— Не знаю, могу ли я доверять тебе, — проквакала жерлянка, которая ею будто бы не была. — Тебя послал Цвакельман?

— Нет, — сказал Касперль, — он не знает, что я здесь. Он сегодня гостит у одного коллеги в Букстехуде.

Жерлянка глубоко вздохнула.

— Это верно? — спросила она.

— Да, верно, — сказал Касперль, — три пальца на сердце! А теперь скажи мне, кто ты, если не жерлянка!

— Я была когда-то доброй феей.

— Феей?

— Да, феей Амарилис. Но уже семь лет я в шкуре жерлянки сижу в этом лягушачьем болоте, ох-ох-ох-хоо! Цвакельман заколдовал меня и заточил в темницу.

— Семь лет? — воскликнул Касперль. — Просто ужас! Почему ж Цвакельман это сделал?

— Потому что он злой, страшно злой! Он терпеть меня не мог, так как я иногда чуточку вмешивалась в его колдовство. Я была, по его понятиям, слишком добра, тогда он перехитрил меня и сделал из меня жерлянку. Такую — ох-ох-ох-хоо — жерлянку!

Заколдованная фея горько заплакала. Крупные слезы покатались по ее жерлянковому лицу.

Касперль охотно бы ее утешил, ему было ее очень жаль. Однако что тут было делать?

— Я могу помочь тебе? — спросил он.

— Да, ты это можешь! — всхлипнула жерлянка и лапкой вытерла слезы. — Тебе следует только раздобыть для меня нужную траву, траву фей. Она растет в нескольких часах ходьбы отсюда на Вересковом холме. Стоит тебе принести мне немножко этой травы, коснуться ею меня — и я свободна. Она тотчас же уничтожит все злые чары. Ты принесешь мне ее? Почему ты молчишь?

— Потому что... — сказал Касперль и запнулся.

— Да? Потому что?..

— Потому что я не смогу выбраться отсюда. Я тоже нахожусь в заточении в этом волшебном замке. Позволь я тебе расскажу...

И Касперль поведал жерлянке о своем приключении вчера ночью: как он попытался вырваться и как это трижды окончилось для него неудачей.

— Если ты посоветуешь, как мне отсюда выбраться, — заключил он, — тогда я принесу тебе фейной травы. Но боюсь, ты этого не знаешь.

— С чего ты взял это? — проквакала жерлянка. — Подумай: я как-никак была феей и уж кое-что в колдовстве смыслю. Ты не можешь выбраться за пределы замка, потому что Цвакельман заколдовал ограду вокруг него. Однако если ты

оставишь в замке что-нибудь из своей одежды — вещь, которая в данный момент на тебе надета, — тогда ты свободен и волен отправляться куда пожелаешь.

— Это правда? — спросил Касперль.

— Попробуй! — проквакала жерлянка. — Тогда и увидишь, что я не солгала тебе. Лучше всего оставить здесь свою рубашку. Однако это может быть также чулок или шляпа.

— Шляпа тоже? — выпалил Касперль. — Она служила только для маскировки, но принадлежит не мне, а моему другу.

— Это не играет роли, действует точно так же.

— Тогда я, само собой разумеется, оставлю шляпу, — сказал Касперль. — Она мне не нравится, потому что все равно мне не идет. А теперь расскажи, где я найду фейную траву и как она выглядит, потому что я хочу добыть ее для тебя.

Касперль велел точно описать ему дорогу на Вересковый холм.

— Когда ты будешь у цели, — сказала жерлянка, — то присядь под старой елью, которая одиноко стоит возле черного пруда на Вересковом холме. Дождись там восхода луны, фейную траву можно ведь найти только тогда, когда светит луна. При лунном свете она начинает блестеть и становится видно, как ее маленькие серебристые зонтики сверкают из-под корней ели. Если ты собираешь пучок этой травы — всё в порядке. Тогда даже Цвакельман не сможет уже причинить тебе вреда. Тот, кто держит в руках фейную траву, для него невидим.

— Ты думаешь, что он будет искать меня, когда вернется домой и заметит, что я сбежал?

— Я в этом совершенно уверена. Поэтому ты должен постараться как можно скорее взять в руки эту траву. А теперь ступай, ибо тебе предстоит дальняя дорога. Всего хорошего — и желаю тебе везенья!

Касперль поднялся и взмахом фонаря послал жерлянке в лягушачье болото прощальный привет.

— До свиданья!

— До свиданья! Но не позабудь закрыть за собой двери! Цвакельман не должен заметить, что ты со мной разговаривал.

Ах, правильно, двери! О них-то Касперль и думать уже забыл. Он запер их и затем поднялся по подвальной лестнице. Дверь подвала он тоже снова запер на задвижку. Потом из кладовой Цвакельмана он прихватил с собой хлеба да пару колбас и отправился в путь.

Через окно каморки Касперль выбрался в огород. Снаружи он снял с себя шляпу. Ему не жалко было расстаться с ней. Он положил ее недалеко от ограды на грядку петрушки.

Удастся ли ему на сей раз его затея? У него было не особенно хорошо на душе. Он вспомнил о вчерашнем вечере и о затрещине, которую получил.

«Ну ладно, я попытаюсь! Хуже, чем неудача, меня ничего не ждет...»

На сей раз, однако, все прошло гладко. Никакая призрачная рука не схватила его за шиворот и не рванула назад, не последовало также и затрепщины. Вздохнув, он перебрался через ограду и упал на другой стороне в траву.

— Уф! — сказал Касперль. — Невозможно себе даже представить, на что может согнуться тирольская шляпа...

А теперь вперед, на Вересковый холм!

Он шагал уже час, и два часа, все время держась пути, который описала ему жерлянка: сперва через лес, потом по проселочной дороге, потом вдоль ручья, пока снова не достигнет леса. Там должны стоять три березы, у средней из которых расщеплен ствол.

Правильно, вот они стоят! — и точно так, как говорила жерлянка, на этом месте тропинка вела в лесную чащу. Касперль не должен теперь больше сходить с нее. Однако еще раз прошло два часа, прежде чем он достиг Верескового холма. Когда он пришел туда, уже стало вечереть.

Касперль был рад, что он наконец у цели. Он уселся под высокой елью на берегу черного пруда, снял башмаки и чулки, болтал утомленными ногами в воде и дожидался луны. Чтобы скоро-

тать время, он съел хлеб и обе колбасы.

Касперль старался не думать о великом волшебнике Петросилиусе Цвакельмане, однако ему это не удавалось. Чем дольше он вынужден был сидеть тут и ждать, тем неуютней становилось у него на душе.

А вдруг Цвакельман уже вернулся из Букстехуде? Что он предпримет, когда заметит исчезновение Касперля?

«Милая луна, — вздыхал Касперль, — где же ты прячешься? Почему ты наконец не взойдешь? Если Цвакельман найдет меня до того, как я нарву фейной травы, все пропало. Ты слышишь меня, старая луна? Ты должна взойти!»

Но луна вовсе не спешила. Она все не появлялась и не появлялась, а Касперль сидел как на иголках и думал о Петросилиусе Цвакельмане.

Великий и злой волшебник Петросилиус Цва-
кельман испытывал волчий голод, когда между
восьмью и половиной девятого вечера он на своем
волшебном халате вернулся из Букстехуде. Позади
у него остался утомительный день, но вот он снова
был дома и мог сытно покушать. Надо надеяться,
что жареный картофель уже готов — и, надо наде-
яться, в достаточном количестве!

С башни замка, где он совершил посадку, вели-
кий волшебник напрямик направился вниз в сто-
ловую залу. Он занял место за столом, повязал сал-
фетку, хлопнул в ладоши и крикнул: «Сеппель;
подавай!»

Прошло довольно много времени, однако никто не появился.

— Сеппель! — позвал Цвакельман. — Подавай на стол! Ты что, не слышишь, что я зову тебя? Куда ты запропастился?

Но и на сей раз ничего похожего на движение не последовало.

— Ну погоди, соня! — выругался великий волшебник. — Я должен за тебя ноги передвигать? Однако с меня хватит!

Он щелкнул пальцами и пожелал себе воловий кнут. Потом стремглав помчался на кухню и метал громы и молнии:

— Поди-ка сюда, сатаненок! Я высеку тебя как сидорову козу! Что ты себе позволяешь, подлая лакейская жаба? Ты хочешь заставить ждать великого волшебника Цвакельмана? Поди сюда, лежебока! Я отдубасю тебя до полусмерти! Я буду колотить тебя до тех пор, пока ты не окривеешь и не охромеешь!

В дикой ярости великий волшебник Цвакельман несколько раз ударил воловьим кнутом по кухонному столу. Только тогда он заметил, что здесь все еще стоят три ведра картофеля, который не был очищен.

— Что? — закричал он. — Как? Ты отлыниваешь от своей работы? Разрази тебя сера и адское

пламя, подобного ты у меня больше никогда не сделаешь! Явись сюда, и немедленно!

Но чем помогли и вся брань, и крик, и стучание по столу? Это не помогло ровно ничем! Тогда великий волшебник зарычал:

— Ха-а, я знаю, этот арестант надумал прятаться. Но я найду его! Да, черт побери, я найду его — и тогда-то он меня узнает!

Петросилиус Цвакельман щелкнул пальцами. Тут воловий кнут превратился в горящий факел. Размахивая факелом над головой, он пустился бегом вдоль и поперек по всему замку. Он искал во всех залах и комнатах, спускался в подвал и взбирался на чердак, высвечивал каждый закуток, заглядывал во все ниши и углы, под мебель и за занавески. Но сколько бы ни искал, ни переискивал и ни искал снова — не нашел ничего.

Внезапно великого волшебника пронзила одна мысль. Он поспешил столь быстро, как его несли ноги, напрямик в огород.

Действительно, там в нескольких шагах от ограды, посреди петрушечной грядки, лежала тирольская шляпа.

— Чума тебя забери!

Великий волшебник Цвакельман сжал кулаки и плюнул: с первого взгляда ему стало ясно, что

произошло. Этот растяпа, Сеппель, такой дурак каких свет не видывал, все-таки осуществил это: он удрал!

Откуда узнал он, как это делается?

«Как бы то ни было, — подумал Петросилиус Цвакельман, — я должен действовать! Парень, должно быть, удивится, как быстро я снова получу над ним власть, у меня же его шляпа!»

Надо знать, что Петросилиус Цвакельман мог без труда перенести в свои владения колдовством любого человека, если что-то из его одежды оказывалось у волшебника в руках.

— За дело! — гневно воскликнул он и отбросил в сторону факел.

Он обеими руками схватил тирольскую шляпу и сломя голову кинулся в свой кабинет. Волшебный мел сюда! Теперь быстро начертить на полу магический круг и разделить его несколькими диаметральными линиями...

— Так — можно приступать!

Петросилиус Цвакельман положил шляпу в середину волшебного круга, точно в то место, где пересекались линии. Затем он отступил назад, поднял руки и принялся размахивать ими. Устремив взгляд на шляпу, он громовым голосом воскликнул:

Сюда, сюда,
Где бы ты ни был!
Шляпы владелец,
Предстань предо мной:
Там, где шляпа лежит,
Появись сам собой!
Фокус-покус — да будет так!

Едва только великий волшебник Петросилиус Цвакельман произнес заклинание, как раздался сильный грохот. Из пола кабинета вверх ударило яркое пламя, и в самой середине волшебного круга, точно в том месте, где пересекались линии, показался Сеппель.

Настоящий Сеппель.

Тот, кому и принадлежала шляпа.

В левой руке он держал черный кожаный сапог, в правой руке он держал сапожную щетку.

Всё в полном порядке — «владелец шляпы» явился.

Но, однако, трудно сказать, кто из двоих в это мгновение имел более глупый вид: друг Касперля Сеппель или великий и злой волшебник Петросилиус Цвакельман.

Еще только что Сеппель чистил сапог разбойника Хотценплотца — и вот вдруг он видит перед собой великого волшебника Петросилиуса Цвакельмана. Как же, ради всего святого, он в одно мгновение попал сюда из разбойничьей пещеры? И где же он очутился? Сеппель был так ошарашен, словно свалился с луны.

Но и у Петросилиуса Цвакельмана был вид довольно обескураженный. Что понадобилось совершенно незнакомому человеку в его волшебном круге? Невозможно, чтобы такое произошло; здесь что-то нечисто! С тех пор, как он занимается колдовством (а это он делает по крайней мере лет вот уже пятьдесят), такого с ним еще не случалось.

— Ты кто такой, дьявол тебя возьми!

— Я? — спросил Сеппель.

— Да, ты! — прошипел Цвакельман. — И как ты попал сюда?

— Как я сюда попал, я и сам не знаю. Но я Сеппель.

— Ты Сеппель? Но это же совершеннейшая неправда!

— Каким образом?

— Каким образом? — зарычал Петросилиус Цвакельман. — Да таким образом, что Сеппель выглядит совершенно иначе! Уж я-то его знаю, он был у меня слугой. Эта шляпа здесь, — он указал на шляпу Сеппеля, которая лежала в волшебном круге на полу, — эта шляпа его.

— Эта шляпа? — спросил Сеппель. И вдруг его осенило, он даже засмеялся.

— Ты смеешься? — воскликнул великий волшебник. — Почему ты смеешься?

— Потому что мне теперь стало ясно, кого вы имеете в виду. Вы имеете в виду Касперля! Совсем как разбойник Хотценплотц! Тот тоже все время путал меня и Касперля.

Петросилиус Цвакельман насторожился. Из рассказа Сеппеля до него дошло, что они обменялись с Касперлем шляпой и шапочкой. Он начал медленно понимать, как все тут связано одно с

другим. Хотценплотц, следовательно, продал ему Касперля, потому что думал, что это Сеппель. Хорошенькая история! Тогда нет совершенно ничего удивительного, что он с помощью шляпы Сеппеля смог приколдовать сюда только настоящего Сеппеля, а не подставного.

— Тыфу ты, отбивная из вороны!

Великий волшебник рвал и метал. Вот так кашу заварил ему разбойник Хотценплотц! Однако есть же еще выход из этого затруднительного положения. Ему достаточно только иметь Касперлеву шапочку с кисточкой, чтобы суметь выколдовать сюда и Касперля.

У Сеппеля ни в коем случае не должно возникнуть подозрения, поэтому Петросилиус Цвакельман решил пойти на хитрость.

— Если я должен поверить тебе, что ты действительно Сеппель, то докажи это!

— С большой охотой, — заявил Сеппель. — Вам только следует сказать мне, как я могу это сделать.

— Ну, очень просто. Ты должен дать мне шапочку Касперля.

— Шапочку Касперля? Это не получится.

— Почему не получится?

— Да потому, что ее сжег разбойник Хотценплотц!

— Сжег? — спросил Цвакельман.

— Да, — подтвердил Сеппель. — Он на моих глазах бросил ее в огонь. Из одной лишь злости!

— Из злости? — Великий волшебник так ударил кулаком по столу, что тот только затрещал. — Из дурости! Из непонимания! Ох, этот Хотценплотц, этот проклятый болван! Теперь хоть на стенку лезь!

Петросилиус Цвакельман несколько раз с громкой бранью пробежал вперед и назад по своему рабочему кабинету. Потом остановился перед Сеппелем и спросил его:

— Это чей сапог у тебя в руке? Это сапог Хотценплотца?

— Конечно, — сказал Сеппель.

— Тогда давай его сюда, давай сюда! Я хочу сию же минуту разобраться с этим неудачником!

Петросилиус Цвакельман спешно начертил новый волшебный круг. Точно в том месте, где пересекались линии, он поставил на сей раз сапог разбойника Хотценплотца. Он снова поднял руки и замахал ими в воздухе, при этом выкрикивая громовым голосом:

Сюда, сюда,
Где бы ты ни был!
Сапога владелец,

Предстань предо мной:
Там, где лежит сапог,
Появись сам собой!
Фокус-покус — да будет так!

И на сей раз результат заклинания не замедлил сказаться. Раздался треск, взметнулось острое пламя — и в середине волшебного круга, словно выросший из-под земли, стоял разбойник Хотценплотц. На нем были его теплый домашний халат и длинные носки. В первое мгновение лицо у него тоже было неописуемо озадаченное, потом он начал смеяться.

— Цвакельман! — воскликнул он. — Ха-ха, старый проказник, ты мне нравишься! Вот это, я понимаю, волшебник! Запросто выколдовал меня из моей пещеры в свой кабинет! Погляди-ка, и Касперль тоже здесь! А я себе уже голову сломал, куда он запропастился...

— Молчать! — прервал его великий волшебник Петросилиус Цвакельман. — Во-первых, это Сеппель, а никакой не Касперль, и, во-вторых, немедленно прекрати свой идиотский смех, иначе я за себя не ручаюсь!

— Но Цвакельман, старый дружище, что случилось? — спросил разбойник Хотценплотц. — Почему ты так ужасно не в духе?

— Я скажу тебе, что случилось! Пацан, которого ты мне вчера продал, удрал. Он был не глупый Сеппель, а Касперль!

— Я не знал этого, — сказал Хотценплотц. — Но ты же великий волшебник! Почему ты не приколдуешь беглеца обратно?

— Я бы давно это сделал, если б мог. Но я не могу!

— Не можешь? — спросил Хотценплотц.

— Не могу! — сказал Петросилиус Цвакельман. — А почему не могу? Да потому, что ты сжег шапочку с кисточкой! Свихнуться можно! Ах ты, горе-разбойник, снегирь-простофиля!

Хотценплотц вздрогнул.

— Цвакельман! — воскликнул он. — Я этого не потерплю, это зашло слишком далеко! Я — снегирь-простофиля? Немедленно извинись или ты пожалеешь об этом!

— Как бы не так! — Великий волшебник заскрежетал зубами и прищелкнул пальцами свой волшебный жезл. — Коли уж я назвал тебя снегирем, пусть оно так и будет! Честный человек своему слову верен! Абракадабра...

Он пробормотал какое-то заклинание, и Хотценплотц превратился в снегиря: настоящего маленького снегиря, который, испуганно попискивая и ударяя крылышками, прыгал с одной лапки на другую.

— Такое тебе, верно, и во сне не снилось? — с издевкой произнес Цвакельман. — Однако погоди, то ли еще будет!

Щелчком пальцев он извлек из воздуха птичью клетку. Потом схватил снегиря и запер в ней.

— Вот так-то, мой дорогой, посиди-ка тут да поразмысли о том, что из тебя получится. — Теперь разберемся с тобой, Сеппель!

Сеппель с содроганьем и трепетом наблюдал за превращением разбойника Хотценплотца. И когда теперь великий волшебник обратился к нему, душа у него ушла в пятки. Несомненно, Петросилиус Цвакельман собирается сейчас заколдовать и его...

Но он ошибался.

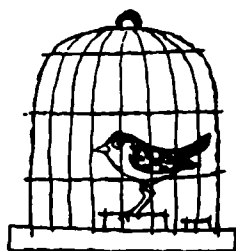
— Ты умеешь чистить картошку? — спросил великий волшебник.

— Да, — сказал Сеппель и не мог взять в толк, куда же тот клонит своим вопросом.

— Так, хорошо! Тогда марш на кухню! Завтра утром, когда вернусь домой, я желаю полакомиться жареной картошкой. Клетку с птицей ты можешь повесить у себя на кухне, пусть Хотценплотц что-нибудь пощебечет для тебя во время работы. Когда начистишь двенадцать ведер картошки и мелко нарежешь, можешь лечь спать, но не раньше.

— А вы? — спросил Сеппель.

— Я полечу на своем волшебном халате искать Касперля. Парень не улизнет от меня! Я найду его, это так же верно, как то, что я великий волшебник Петросилиус Цвакельман, — а потом уж я быстренько разделаюсь с ним!

Чтобы лучше видеть в темноте, великий волшебник Цвакельман надел свои ночные очки. Затем он поспешил в башню замка, уселся на свой волшебный халат и с шумом умчался. Но сколь бы зорко он ни высматривал и сколь бы далеко ни летел и ни рыскал по окрестностям, ему не удалось найти Касперля.

Ибо над Вересковым холмом тем временем возшла луна. Тотчас же из-под корней старой ели засебрилась фейная трава, и Касперль быстро собрал целый пучок. Теперь он стал невидим для Петросилиуса Цвакельмана, этого не могли изменить даже ночные очки на носу великого волшебника.

С фейной травой в правой руке, а левую сунув в карман штанов, Касперль пустился в обратный путь. Два-три раза случалось, что Цвакельман на

волшебном халате, шелестя, проносился прямо над ним. Тогда Касперль испуганно втягивал голову в плечи и нагибался. Но даже если бы он не нагибался, Цвакельман все равно не смог бы увидеть его, хотя и пролетал так низко, что Касперль чувствовал движение воздуха.

Фейная трава, впрочем, делала его не только невидимым. С того момента, как он нес ее в кармане, он больше не уставал. Ноги его бежали словно сами собой, и на рассвете он благополучно достиг волшебного замка.

Ворота были закрыты. Касперль коснулся их фейной травой, они тут же открылись перед ним, и он вошел. Но в это мгновение он услышал над собой в воздухе шум и свист, и когда посмотрел вверх, то увидел, что Цвакельман как раз сейчас совершил посадку на башню замка. Надо надеяться, он ничего не заподозрил!

Все-таки от внимания великого и злого волшебника Петросилиуса Цвакельмана не ускользнуло, что ворота его волшебного замка на несколько мгновений открылись и закрылись снова.

— Ого! — воскликнул он. — Что же, всем чертям задрать хвосты, это значит? Кто-то, кого я не могу видеть, получил доступ в мой замок! Но кто же это? И как, сыграй сатана свадьбу со своей бабушкой, он с этим справился?

Петросилиус Цвакельман щелчком пальцев вытребовал себе волшебный жезл.

— Кто бы это ни был, — в ярости воскликнул он, — я найду его и страшно накажу за его излишнее любопытство! Порази его серная пытка и адский огонь, я клянусь в этом!

Безостановочно перескакивая через три ступеньки, великий волшебник опрометью бросился вниз по винтовой лестнице на первый этаж. Между тем Касперль уже, спешно спустившись в подвал, по темному коридору бежал к лягушачьему болоту. На сей раз у него не было с собой фонаря, но поскольку он держал в руке волшебную траву, то мог обойтись без него: он словно кошачьими глазами видел во тьме.

Первая дверь — теперь вторая — а сейчас третья...

— Я тут, она у меня! Говори, что мне делать!

— Поддай-ка мне руку и помоги выбраться наверх!

Касперль лег на пол и протянул правую руку жерлянке, сидящей в лягушачьем болоте, руку с пучкомфейной травы.

— Нет, другую! — проквакала жерлянка. — Ты должен сперва помочь мне выбраться из воды!

Тут снаружи, у входа в подвал, раздался громкий и гневный голос волшебника Цвакельмана. Он заметил, что дверь подвала была отворена.

Тогда у него возникло чудовищное подозрение. Ругаясь, он с топотом спускался по лестнице. Через несколько мгновений он уже должен был быть здесь.

— Да быстрее же! — крикнула жерлянка.

Касперль ухватил ее левой рукой и посадил рядом с собой на пол. Между тем Цвакельман приближался все ближе и ближе. Он рычал и неистовствовал так, что тряслось подземелье.

— Живо! — воскликнула жерлянка. — Коснись меня фейной травой!

Касперль послушался.

В это мгновение великий и злой волшебник Петросилиус Цвакельман появился в проеме последней двери. Но внезапно застыл как вкопанный и онемел.

Касперль тоже испугался, но не от вида злого волшебника! Он испугался сильного света, залившего подвал. Он ослепил его, и Касперль вынужден был закрыть глаза. Когда он открыл их снова, то увидел, что рядом с ним стояла прекрасная госпожа.

Она сияла как солнце. Всё у нее: лицо и руки, ее волосы и длинное золотое одеяние — было столь прекрасно, что не описать.

«Ох! — подумал Касперль. — Я, пожалуй, ослепну, если буду долго смотреть на нее...»

Но отвернуться? Отвернуться было тоже выше его сил. Таким образом, он, из опасения лишиться зрения, вел наблюдение только одним глазом, второй он зажмурил.

Петросилиус Цвакельман стоял как громом пораженный возле стены подвала. Лицо его было бледно как мел, его колени тряслись, крупные капли пота катились у него по лбу. Он попытался было говорить, однако не смог. Он был настолько ошарашен, что даже волшебный жезл выскользнул у него из рук.

Волшебный жезл упал на пол. Фея Амариллис подтолкнула его легким ударом тувельки. Тот покотился и с плеском бултыхнулся в лягушачье болото.

Тут-то Петросилиус Цвакельман пришел наконец в себя.

— Черт тебя побери! — закричал он.

Он сделал прыжок, хотел было поймать и задержать волшебный жезл. Но слишком поздно! Его пальцы схватили пустоту, он споткнулся, перекувырнулся — и, прежде чем фея Амариллис и Касперль успели кинуться ему на помощь, свалился в глубину. Последний ужасный крик! Затем его поглотила бездна, и черные воды лягушачьего болота, бурля и клокоча, сомкнулись над ним.

А когда великие волшебники
застывают как вырубленные и немелют,
тогда их вскорости забирал...

Полночи Сеппель чистил картофель, и ему стоило огромных усилий не задремать при этом. Страх перед великим волшебником Цвакельманом заставлял его бодрствовать. Лишь только когда была очищена и мелко нарезана последняя картофелина, он, сидя на кухонной табуретке, просто склонился вперед и заснул.

Он спал, уронив голову на край стола, но и во сне работа его продолжалась: перед ним высилась гигантская гора картошки; он чистил и чистил, и конца этому было не видно; гора не убывала, напротив, она становилась все шире и выше; наконец в кухню замка вошел Цвакельман. Когда он увидел, что бедный Сеппель все еще занимался

чисткой, то начал браниться; он рычал и неистовствовал так ужасно, что Сеппель кувырком слетел с табуретки и — проснулся.

Тогда он уселся на полу кухни и протер глаза. Сеппель увидел, что наступило утро, и ему стало ясно, что все это ему только приснилось. Однако то, что Цвакельман страшно неистовствовал и бушевал, ему вовсе не снилось, это было наяву! Его рев эхом разносился по всему волшебному замку.

Снегирь в птичьей клетке тоже проснулся. Он порхал вверх и вниз и надоел Сеппелю своим чирканьем.

— Попридержи язык! — крикнул Сеппель.

Он подбежал к кухонной двери, чтобы прислушаться. Какая муха укусила великого волшебника, что он поднял такой крик?

Но внезапно буря оборвалась. На какое-то время снаружи воцарилась полная тишина, мертвая тишина. Затем голос великого волшебника загремел снова: на сей раз особенно гневно, но лишь на несколько мгновений.

«Да что ж с ним такое?» — подумал Сеппель.

Он взялся за дверную ручку, приоткрыл дверь, вышел в прихожую. Никого не видно и ничего не слышно...

Однако постой! — на лестнице, ведущей в подвал, показалось сияние света и раздались шаги.

Там кто-то поднимался наверх. Но это оказался не великий волшебник Петросилиус Цвакельман — это был Касперль!

Сеппель издал громкий крик ликования. Потом он подбежал к Касперлю и заключил его в объятия:

— Касперль!

От восторга он готов был задушить Касперля.

— Сеппель! — воскликнул Касперль. — Я думал, ты в пещере разбойника! Что ты тут делаешь?

— Я? — сказал Сеппель. — Я почистил картошку, а теперь не помню себя от радости! Но скажи-ка...

Лишь теперь Сеппель заметил фею Амариллис. Она вслед за Касперлем поднялась по ведущей из подвала лестнице, и Сеппель от изумления лишь рот разинул да вытаращил глаза, когда увидел ее.

— Кто эта дама? — спросил он.

— Эта дама — фея, — сказал Касперль, — фея Амариллис.

— Какое красивое имя, оно ей идет!

— Ты находишь? — поинтересовалась фея Амариллис и улыбнулась. — Но кто же *ты*?

— Он? — сказал Касперль, потому что Сеппель от крайнего удивления несколько замешкался с ответом. — Это мой друг Сеппель. Лучший друг

на всем белом свете. Но как он вдруг оказался здесь, этого я не знаю, ему еще только предстоит рассказать мне об этом. Выкладывай, Сеппель! И так?..

Однако фея Амарилисс опередила Сеппеля.

— Он может рассказать тебе это на воле, — сказала она. — Выберемся скорее наружу. Поскольку Цвакельман мертв, его замок тоже не должен больше существовать. Я хочу...

— Что? — спросил Касперль.

— Наберитесь чуточку терпения.

Фея Амарилисс одной рукой взяла Касперля, а другой Сеппеля. Она собралась было вывести обоих друзей наружу, но Сеппель высвободился от нее.

— Минуточку, я должен кое-что прихватить!

Он побежал на кухню и принес клетку для птиц.

— Неужели, — удивился Касперль, когда Сеппель вернулся к ним, — птенчик?

— Угадал, — сказал Сеппель с усмешкой, — снегирь — однако совершенно особенный.

Теперь оба последовали за феей Амарилисс на улицу за ворота замка. Фея велела им отойти подальше, до самой лесной опушки. Сама же она осталась, и когда Касперль и Сеппель достигли опушки, она повернулась к замку лицом и подняла руку. Тут серые каменные стены беззвучно рухнули,

и ничего не осталось от волшебного замка Цвакельмана, кроме груды строительного камня да кровельной черепицы и погребенного под ними лягушачьего болота.

Фея Амариллис велела вокруг груды обломков вырасти живой изгороди из тернового кустарника. Затем она повернулась к терновнику спиной и двинулась к обоим друзьям. Она не шла: она парила. И там, где она пролетала, склонялись листья и травы.

— Я многим тебе обязана, Касперль, — сказала она. — Будь уверен, я никогда не забуду того, что ты для меня сделал.

Она сняла с пальца тонкий золотой ободок.

— Возьми это кольцо и храни его! — проговорила она. — Однако знай, это кольцо желаний. Тебе дозволено три желания. Всегда, когда захочешь, можешь огласить их: если ты выскажешь желание и повернешь колечко, загаданное исполнится. А теперь дай мне руку, Касперль!

Касперль позволил надеть колечко себе на палец и поблагодарил фею Амариллис. Но фея Амариллис возразила, что если кто и должен благодарить, то это она.

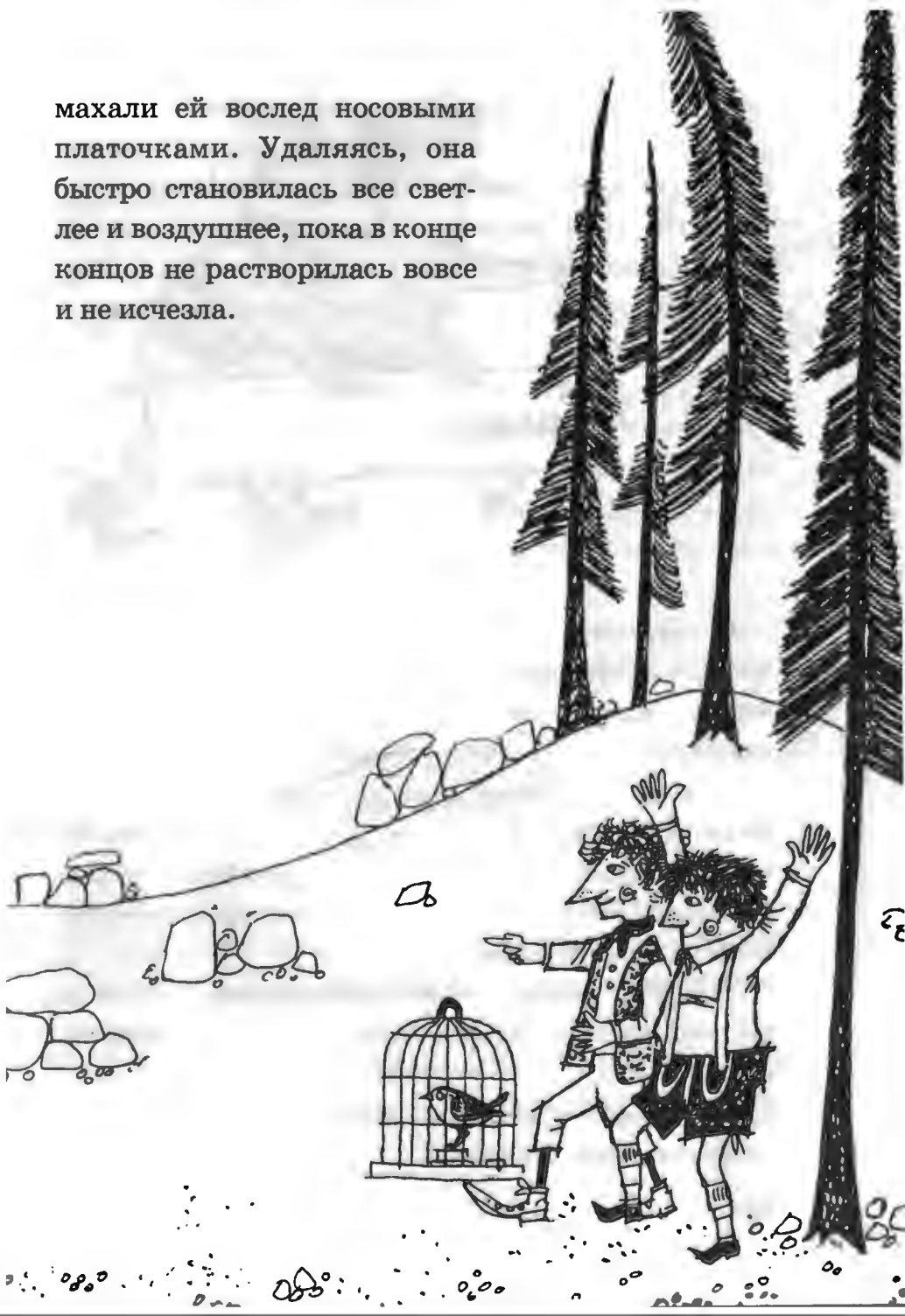
— Теперь я вернусь на родину, в царство фей, — продолжала она. — Поэтому прощайте! Всего наилучшего вам обоим и удачного возвра-

щения домой! Я желаю вам счастья, и здоровья, и бодрого настроения сегодня, и завтра, и навеки!

С этими словами она улетила. Касперль и Сеппель по-

махали ей вслед носовыми платочками. Удаляясь, она быстро становилась все светлее и воздушнее, пока в конце концов не растворилась вовсе и не исчезла.

Касперлю и Сеппелю понадобилось много времени, чтобы обрести наконец способность снова говорить; однако потом оба кинулись рассказывать одновременно. Некоторое время они самозабвенно говорили, перебивая один другого: Касперль Сеппеля, а Сеппель Касперля! Каждый рассказывал о своих переживаниях, и ни один не внимал другому. Когда Касперлю стало ясно, что это уже слишком, он зажал Сеппелю рот.

— Стой, хватит! — воскликнул он. — Так не пойдет, всегда должен говорить только кто-нибудь один!

— Ладно, — сказал Сеппель, — мы загадаем по пуговицам, согласен?

Тут они оба принялись гадать, каждый по пуговицам на своей куртке: «Я — ты — я...»

Случаю, однако, было угодно, чтобы у каждого из них оказалось на куртке по пять пуговиц. «Я!» — сказал Сеппель на пятой пуговице и уже начал было опять рассказывать. Но Касперль тоже на пятой пуговице сказал «я», и вышло так, что оба снова одновременно заговорили.

— Знаешь что? — решил Сеппель, после того как они заметили, что здесь что-то не то, — мы должны сделать по-другому. Давай попробуем на сей раз считалочку — увидишь, тогда все пойдет как по маслу!

С важной миной он трижды поплевал на указательный палец. Поочередно тыча себя и Касперля в живот, он считал:

Аты-баты, шли солдаты.

Аты-баты, на базар.

Аты-баты, что купили?

Аты-баты, самовар!

Трижды поплеванный указательный палец решил в пользу Касперля, и дело этим прояснилось.

Касперль неудержимо и бурно рассказывал о своем приключении, речь его текла подобно водопаду.

У Сеппеля от слушанья уши стали огненно-красными и начали потеть. От волнения он едва отваживался громко дышать. Когда Касперль сообщил о трагическом конце Цвакельмана, он всплеснул руками.

— Послушай, Касперль! — воскликнул он. — Мне следовало бы это предвидеть!

— Почему? — спросил Касперль.

— Потому что тогда мне совершенно точно не пришлось бы полночи чистить картошку!

Теперь рассказывал Сеппель. Он обрисовал Касперлю, как скверно жилось ему в пещере разбойника, и признался, что Хотценплотц сжег его шапочку.

— Как? Мою прекрасную шапочку! — возмущенно вскричал Касперль. — Ну, это уж слишком! Разбойник Хотценплотц должен сидеть за решеткой, проходимец!

Сеппель решил, что благоприятный момент настал.

— Утешься, — сказал он совершенно спокойно, — он уже сидит.

— Он — сидит?.. — спросил Касперль.

— В виде снегиря в этой клетке для птиц. Да, Касперль, ты, пожалуй, этого не ожидал? Однако позволь поведать тебе по порядку, как это произошло...

Сеппель пустился рассказывать, и когда он подошел к концу своей истории, вспотел и Касперль тоже.

— Какое счастье, что теперь все идет как по маслу! — провозгласил он. — А что дальше?

— Теперь со снегирем прямо к вахмистру Димпфельмозеру — а потом домой!

Довольный Сеппель взмахнул птичьей клеткой и собрался было отправиться в путь. Но Касперль не тронулся с места.

— Сперва мне нужна новая шапочка с кисточкой! — объяснил он.

— Откуда ты возьмешь ее?

— У нас же есть кольцо желаний, не забывай об этом!

Касперль повернул кольцо и сказал:

— Я желаю себе новую шапочку с кисточкой, точно такую, как была старая!

Едва желание было высказано, как тут же исполнилось: раз-два — и на голове Касперля сидела новая шапочка с кисточкой. Она как две капли воды была похожа на его старую шапочку.

— Грандиозно! — сказал Сеппель. — Если б я собственными глазами не видел, что Хотценплотц бросил в огонь твою старую шапочку, я б никогда не поверил, что это новая! И все же пойдем наконец!

— Да, — откликнулся Касперль, — иду!

Они взяли клетку для птиц с двух сторон и, на-
свистывая одну веселую песенку за другой, зато-
пали домой.

— Я очень рад! — сказал Касперль спустя не-
которое время.

— Я тоже! — сказал Сеппель. — И бабушка то-
же будет рада!

— Бабушка? — Касперль внезапно остано-
вился. — Ах ты боже мой, Сеппель!

— Что случилось? Почему ты не идешь?

— Мне кое-что пришло в голову! Мы, кажется,
забыли о самом главном!

— О самом главном?

— Конечно, — сказал Касперль, — о бабушки-
ной кофейной мельнице!

— Батюшки мои! — простонал Сеппель и схва-
тился за голову, — ты прав, Касперль! Бабушки-
ну кофейную мельницу надо разыскать, тут ниче-
го не поделаешь! Итак, поворачиваем — и возвра-
щаемся в разбойничью пещеру!

— Вот еще! — сообразил Касперль. — Мы сде-
лаем это проще!

Он во второй раз повернул свое кольцо жела-
ний и сказал:

— Я желаю, чтоб здесь появилась кофейная
мельница бабушки!

Из этого видно, насколько полезно бывает
найти общий язык с феями

Раздался глухой удар, и та уже лежала в траве у его ног.

— Разрази меня гром! — воскликнул Сеппель. — Ну и ловко это получилось! Нет ли в ней повреждений?

Он поднял кофейную мельницу и испробовал ее.

Кофейная мельница была в полном порядке: как только закрутишь ручку, она начинает исполнять «Все вокруг нынче май обновил...». Однако — о чудо! — она исполняла ее на два голоса.

— На два голоса?! — удивился Сеппель. — Как красиво! Но когда бабушка чутко прислушивается... И как это только возможно? Ты можешь себе это объяснить?

Касперль тоже нашел эту историю диковинной.

— Может, за этим скрывается фея Амариллис? — высказал он свое мнение.

— Ясно! — сказал Сеппель. — Вне всякого сомнения! Этим она хотела доставить нам радость, нам и бабушке! Но как мы поступим с третьим желанием?

— Тебе ничего не приходит в голову? — осведомился Касперль. — Тогда я уже это знаю!

Бабушка была ужасно обеспокоена. Она не могла объяснить себе, где же так долго пропадают Касперль и Сеппель.

Вчера бабушка уже три раза прибежала в полицию и разговаривала с вахмистром Димпфельмозером. Сегодня она тоже решила снова попытаться у него счастья. Авось, в конце концов, найдутся у него для нее хорошие вести!

— Вы не могли бы что-нибудь разузнать о Касперле и Сеппеле, господин вахмистр? — спросила она.

— К сожалению, нет, — ответил вахмистр Димпфельмозер, который сидел за письменным столом и в этот момент завтракал.

— Нет? — спросила бабушка и заплакала.

— Нет, — повторил вахмистр. — Мне очень жаль, что я не могу сообщить вам ничего хорошего, бабушка. Ни о том, ни о другом ничего не известно.

— Действительно не известно?

Вахмистр пожал плечами.

— Единственное, что мы обнаружили, это вон ту ручную тележку, там в углу. Она вам знакома?

— Конечно, — всхлипнула бабушка. — Касперль и Сеппель позавчера ушли с ней. Где вы ее нашли?

— Она вверх колесами лежала на опушке леса в придорожной канаве, мы обеспечили ее сохранность.

— И что теперь? — спросила бабушка.

— Н-да, что теперь? — проворчал вахмистр Димпфельмозер.

Он наморщил лоб и задумался. Потом вдруг так хлопнул ладонью по крышке письменного стола, что только прибор с завтраком задребезжал.

— Бабушка! — воскликнул он. — Мне пришла в голову одна мысль! Знаете, что мы сделаем? Мы объявим обоих в публичном розыске через служителя магистрата!

- Вы думаете, что это поможет?
- Придется набраться терпения. В любом случае это не повредит.

Вахмистр Димпфельмозер отодвинул в сторону свой завтрак. Он извлек из ящика письменного стола большой лист канцелярской бумаги, обмакнул перо в чернильницу и принялся писать:

Публичное объявление!

Разыскиваются Касперль и Сенпель.

Особые приметы:

красная шапочка с кисточкой
и зеленая тирольская шляпа.

Ко всем лицам, каковые в состоянии
сделать целесообразные сообщения,
обращается настоящее

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

безотлагательно явиться в местный
полицейский участок. Все без исключения
свидетельства будут
в соответствии с пожеланием
рассматриваться конфиденциально.

— Так, — удовлетворенно произнес вахмистр Димпфельмозер, — недостает только подписи...

Он собрался было размашисто, как всегда, поставить под официальной бумагой свое имя — но из этого вышла жирная клякса. Потому что как раз в этот важный момент отворилась дверь, и в комнату ворвались Касперль и Сеппель!

— У-ух! — крикнула бабушка и чуть было снова не упала в обморок, на сей раз от радости.

— Бог в помощь! — сказали Касперль и Сеппель. — А вот и мы.

Бабушка заключила их обоих в объятия, смеялась и плакала одновременно.

— Посмотри-ка, вы снова тут! Я ужасно переживала за вас! Но действительно ли это вы? Я все еще не могу в это поверить! Подумать только, господин вахмистр, какой сюрприз?

Вахмистр Димпфельмозер вышел из-за письменного стола на середину комнаты и придал своему лицу служебное выражение.

— Ну знаете ли, с меня хватит! Выходит, что я совершенно напрасно полностью исписал целый лист канцелярской бумаги! Вы что, не могли явиться чуточку пораньше?

— К сожалению, это было невозможно, господин вахмистр, — сказал Касперль. — Но зато мы принесли вам с собой что-то такое, что вас порадует...

— Так ли? — спросил вахмистр Димпфельмозер.

— Несомненно, — подтвердил Касперль, — разбойника Хотценплотца!

— Вот так дела! — воскликнул пораженный вахмистр. — И где ж он у вас?

— Здесь! — сказал Касперль.

Он подошел к письменному столу и поставил на него клетку для птиц. Однако с вахмистром Димпфельмозером случился припадок бешенства.

— Что? — закричал он. — Как? Ты за кого, собственно говоря, меня принимаешь? Ты думаешь, я безропотно буду терпеть такое? Я официальное лицо! Выделывай свои дурацкие шутки с кем хочешь, но со мной этот номер не пройдет! Тот, кто надо мной потешается, отправляется в кутузку!

— Полегче, полегче, господин вахмистр, — сказал Касперль и повернул кольцо желаний.

— Я желаю, чтобы снегирь в птичьей клетке снова превратился в разбойника Хотценплотца!

Мгновенно исполнилось это третье и последнее желание. Там, где сидел снегирь, стоял теперь разбойник Хотценплотц. Он стоял прямо посередине письменного стола вахмистра Димпфельмозера. В домашнем халате и длинных носках стоял он там, и голова его по самые плечи торчала в клетке для птиц.

— Эй, вы! — выбранился вахмистр Димпфельмозер. — А ну-ка марш с моего письменного стола! Что это вам взбрело в голову на него забраться! Откуда вы как снег на голову свалились — и кто вы такой?

— Как не стыдно, господин вахмистр! — сказал Касперль. — Это же разбойник Хотценплотц! Вы не собираетесь его арестовывать?

Вахмистр Димпфельмозер больше вообще ничего не понимал.

— И вот это — разбойник Хотценплотц? — вскричал он. — Чужь собачья! Разбойник в носках!

— Однако, — сказала бабушка, — я узнаю его, это действительно он! Вы должны его...

Но разбойник Хотценплотц прервал ее диким криком: «Убирайтесь с дороги!»

Затем он спрыгнул с письменного стола и, минуя вахмистра Димпфельмозера, кинулся к окну. Он с разбегу бросился сквозь оконное стекло, намере-

ваясь искать спасения в бегстве. Но Сеппель схватил его за ноги, а Касперль недолго думая с треском захлопнул металлические жалюзи. Трр! — и разбойник Хотценплотц оказался накрепко зажат.

Он бился как рыба на суше.

— Сеппель, присмотри-ка, чтоб он чего-нибудь не вытворил! — сказал Касперль и вместе с вахмистром Димпфельмозером выбежал из кабинета в палисадник.

Головою и верхней частью туловища Хотценплотц свешивался во двор. Он размахивал руками словно в школе для плавания.

— На помощь! У меня перехватило дыхание, я больше не могу! — задыхался он. — Долго мне еще тут болтаться?

— Смотря по обстоятельствам, — рассудил Касперль. — Что ж ты, голубчик, верещишь теперь! Если будешь висеть спокойно, то это скоро кончится.

— Ну, так и быть! — с трудом переводя дух, выдавил Хотценплотц, который осознал наконец, что его карта бита.

Он позволил вахмистру Димпфельмозеру связать себе руки за спиной веревкою и при этом не пикнул. Затем Сеппель немного приподнял жалюзи. Вахмистр Димпфельмозер и Касперль выдернули разбойника Хотценплотца из окна. Тяжело,

как мешок с картошкой, старый злодей шлепнулся в палисадник.

— Так, — проворчал вахмистр Димпфельмозер удовлетворенно, — тебя мы поймали! Но теперь собирай-ка манатки да отправляйся за решетку!

С большим трудом поднялся разбойник Хотценплотц.

— Вы не могли бы снять с меня клетку? — спросил он.

— Нет, — возразил вахмистр Димпфельмозер, — клетка останется на месте!

Он обнажил саблю. Но прежде чем удалиться вместе с Хотценплотцем, он еще наскоро поблагодарил Касперля и Сеппеля за их помощь.

— Я позабочусь о том, — заключил вахмистр Димпфельмозер, — чтобы уже утром вы получили от нашего господина бургомистра награду. Потом вы должны будете также рассказать мне, как все произошло. Я хотел бы все это занести, само собой разумеется, в протокол, ясно? А пока — до свидания!

Вахмистр Димпфельмозер трижды провел разбойника Хотценплотца на веревке по городу. Люди выбегали из своих домов и дивились. Они радовались, видя наконец разбойника Хотценплотца в оковах.

— Что теперь будет с ним? — хотели они
знать.

— Во-первых, он посидит в пожарном депо под
замком, — сказал вахмистр.

— А во-вторых?

— А во-вторых, он предстанет перед судом.

Касперль и Сеппель сидели в уютной бабушкиной комнате. Как замечательно, что они снова были дома! Трудно поверить, что всего три дня отделяют их от той поры, когда они последний раз кушали здесь рядом друг с другом!

Бабушка тоже сияла. Она проворно накрыла стол для кофе, потом сбегала на двор в кладовую и принесла большой противень с водруженным на него сливовым пирогом. Она поставила также на стол полную миску сливок.

— Но бабушка! — удивился Касперль. — Разве сегодня воскресенье?

— Несомненно! — сказала бабушка, — у нас сегодня воскресенье, даже если для кого-нибудь и среда!

Она подошла к зеркалу и поправила свой чепчик, потом заспешила к двери.

— Ты собираешься уйти? — спросил Касперль.

— Ах, только к фрау Бэнш напротив, я одолжу у нее кофейную мельницу. Без кофейной мельницы ничего не получится.

— Точно, — сказал Касперль и усмехнулся, — без кофейной мельницы действительно ничего не получится. Пожалуйста!

Он извлек из-под куртки кофейную мельницу, поставил ее на стол и с нетерпением ожидал, что скажет бабушка.

Бабушка сначала вообще ничего не сказала. Она взяла в руки кофейную мельницу и начала крутить ручку. И кофейная мельница на два голоса заиграла «Все вокруг нынче май обновил...».

Касперль и Сеппель сидели тихо как мышки.

— Ах, — сказала наконец бабушка, — как замечательно! Знаете, что мне представляется?

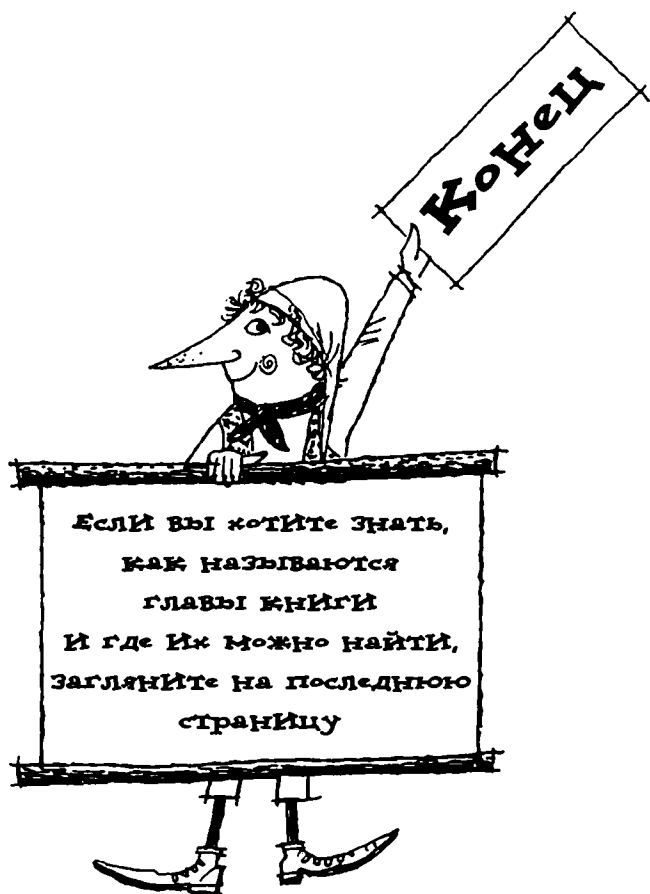
— Что же?

— Что будто бы у меня день рождения — и, кроме того, Рождество! Однако мне надо сварить кофе...

Бабушка сварила самый крепкий кофе в своей жизни. Когда кофейник стоял на столе и все чашки были наполнены, Касперль и Сеппель наконец приступили к рассказу.

— Возмутительно! — говорила бабушка, покачивая головой все снова и снова и не уставая повторять: — Возмутительно!

Время от времени она то и дело отпивала маленький глоток из кофейной чашки. Касперль и Сеппель уписывали сливовый пирог со сбитыми сливками до тех пор, пока у них не заболели животы, и они были так счастливы, что не поменялись бы местами ни с одним человеком на свете, даже с императором Константинополя.

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ЗНАТЬ,
КАК НАЗЫВАЮТСЯ
главы книги
и где их можно найти,
загляните на последнюю
страницу

Человек с семью ножами	9
Полиции можно помочь	14
Осторожно, золото!	21
Невезение	27
Главное — удачно переодеться	34
Выстрел из перцового пистолета	40
Мрачные перспективы	45
Петросилиус Цвакельман	51
Ночное приключение	60
Глупый насколько возможно	67
Бедный Сеппель!	73

Три двери в подвале	79
Тайна жерлянки	85
Вперед, на Вересковый холм	91
«Владелец шляпы»	96
Дал слово — держи	102
Конец волшебника Цвакельмана	110
Эта дама — фея	117
Кольцо желаний	124
Вахмистр Димпфельмозер	
переживает великий день	132
Пирог и кофе	142

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Литературно-художественное издание

Отфрид Пройслер
РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ
И ПЕРЦОВЫЙ ПИСТОЛЕТ

Ответственный редактор *Антонина Балакина*
Художественный редактор *Алексей Горбачёв*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректор *Елена Суворова*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать с готовых диалозитивов 24.10.2002.
Формат издания 60 × 84¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,84. Тираж 4 000 экз.
Заказ № 208.

ИД № 02164 от 28.06.2000.
Торгово-издательский дом «Амфора».
197022, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, д. 23.
E-mail: amphora@mail.ru

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».
191144, Санкт-Петербург, ул. Монсеенко, 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

Ричард Адамс
«Великое путешествие кроликов»

Мы предлагаем вам одну из самых знаменитых книг XX века. В ней рассказана история кроликов, которые покидают свою гибнущую колонию и отправляются в полное опасностей путешествие, чтобы обрести новый дом.

Представьте, что получилось бы, если смешать «Хоббита» с Винни-Пухом и историями про муми-троллей! Увлекательные приключения, описанные на страницах этой сказочной повести, напоминают волшебный мир Толкина, а разоблачение зла и несправедливости не уступает по силе лучшим образцам мировой сатиры.

Но главное — эта книга подарит вам и вашему ребенку тихий вечер с доброй сказкой.

Заира Дреева **«Несси»**

Повесть-сказку «Несси» написала молодая петербургская писательница Заира Дреева. Пусть вас не смущает то, что имя этого талантливого автора пока ничего вам не говорит. Эта книга наверняка найдет себе место на книжной полке ваших детей рядом с самыми любимыми, такими как «Волшебник Изумрудного города» и «Гарри Поттер». Героиня повести Несси попадает в заколдованные земли Великой Деи. Чтобы победить колдовство, Несси и ее волшебные друзья отправляются к Черной пирамиде, где скрывается опасная тайна.

Михаэль Энде «Волшебный напиток»

Имя немецкого детского писателя Михаэля Энде знакомо читателям по сказочной повести «Бесконечная книга» и ее голливудской экранизации. «Волшебный напиток» — еще один шедевр писателя, чьи произведения давно уже известны во всем мире. Прочитав эту веселую и увлекательную историю, вы узнаете, какой волшебный напиток приготовили колдун Бредовред и ведьма Тирания и что из этого получилось. Книга впервые выходит в переводе на русский язык.

***По вопросам поставок
обращайтесь:***

Торгово-издательский дом «Амфора»

Москва:

**ул. Судостроительная, д. 30, корп. 1, подъезд 3
(рядом с метро «Коломенская»)
Телефон/факс: (095) 116-68-06**

Санкт-Петербург:

**197022, наб. реки Карповки, д. 23
Телефон/факс: (812) 346-04-51, 346-22-71
E-mail: amphora_torg@mail.ru**

**Дистрибьютор в США и Канаде —
Дом книги «Санкт-Петербург»**

**Тел. (718) 368-4128
www.petropol.com**

АВТОР: ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АМФОРА»

9 223806 200127

РИСУНКИ Ф. ТРИППА

SOBD

10805823

ПЕРЕВОД ЕВГЕНИЯ ВОРОПАЕВА

1

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ и перцовый пистолет

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

2

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ и хрустальный шар

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

3

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ и муравейник с начинкой

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

ЗНАКОМЬТЕСЬ НОВЫЙ БАРМАЛЕЙ

Немецкий писатель
Отфрид Пройслер
известен в России
как автор
сказочных повестей
«Маленькая Бабэ-Яга»,
«Маленький Волшебник»
и «Маленький Призрачник».

Трилогия о приключениях
разбойника с забавным
именем Хотценплотц,
возможно,
самое знаменитое
произведение Пройслера.

Разбойник Хотценплотц —
это **новый бармалей**.
Истории о нем родители
читают на ночь
своим детям. Вот уже
сорок лет подряд.

В этой книге
рассказано
о приключениях разбойника
и волшебного хрустального
шара, как он похитил
перцовый пистолет.

ISBN 5-94278-334-8

9 785942 783341

Сделано в Санкт-Петербурге

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АМФОРА»